

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 января.

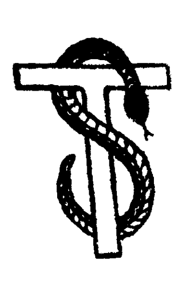

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

№ 1.

Спб. Городская Типографія. Садовая, 55, уг. Вознесенскаго

СОДЕРЖАНІЕ

январьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

стр.
1. Отъ редакціи 1
2. И малое дитя ихъ поведетъ, Alba 5
3. Президентскій адресъ, А. Безантъ 12
4. Краткій очеркъ Теософическаго движенія, А. Безантъ . 16
5. Древняя мудрость, А. Безантъ 35
6. Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ, д-ръ Штейнеръ 47
7. Исторія года, М. Коллинсъ 55
8. Теософическое движеніе, Alba 59
9. Изъ литературной теософической жизни, Alba 66
10. Замѣтки о современныхъ духовныхъ теченіяхъ Д. Странденъ. 70
11. Письма къ читателямъ, Другъ читателя 80
12. Отзывы о книгахъ, К. Кудрявцевъ 83
13. Индусскія пословицы 88

Приложеніе. Новая Психологія и Теософія, А. Безантъ.

Отъ редакціи.

Въ переживаемую эпоху, когда всѣ элементы жизни бродятъ, когда мысль и сердце ищутъ новыхъ путей и прежнее уже не удовлетворяетъ, а новое еще не выяснилось, въ общественномъ сознаніи происходитъ процессъ, сходный съ образованіемъ кристалла изъ раствора. Для того, чтобы созидающійся кристаллъ вышелъ прекраснымъ, нужны общественныя идеи высокаго качества, ибо идеи, созрѣвшія въ общественномъ сознаніи, и являются тѣми идеальными линіями, по которымъ строятся грани общественныхъ формъ; а для того, чтобы кристаллъ вышелъ изъ раствора чистымъ и прозрачнымъ, необходима *чистота настроенія*, строгая провѣрка общественной совѣсти, выдѣленіе всѣхъ темныхъ, нечистыхъ наслоеній изъ общественнаго творчества. Въ такое время какъ наше, въ эпохи глубокихъ потрясеній, когда всѣ внѣшніе покровы сорваны, а былыя иллюзіи сгораютъ въ огнѣ тяжелыхъ и въ то же время глубоко значительныхъ переживаній, когда умы и сердца раскрываются для новыхъ идей и вдохновеній, міру всегда давались откровенія, необходимыя для человѣчества на новой ступени сознанія, ибо глубокій внутренній смыслъ такихъ общественныхъ потрясеній, черезъ какія проходимъ мы, и заключается въ переходѣ всего общественнаго сознанія на высшую ступень міровой жизни. Какое же міросозерцаніе способно выразить эту высшую ступень жизни? Возвратъ къ матеріализму не возможенъ, его *не приметъ* душа, уже потому, что онъ отнялъ у нея обѣ ея глубины: и глубину, устремляющую ее вверхъ къ Богу, и глубину проникновенія въ ея собственную безсмертную суть, ведущую къ самопознанію. Но точно такъ же и слѣпая вѣра не удовлетворитъ проснувшееся сознаніе. Обѣ стороны сложной человѣческой души должны найти удовлетвореніе: и мысль, не допускающая, чтобы нарушались законы разума, и сердце, требующее Вѣчнаго, Святого и Прекраснаго. Для новой ступени жизни необходимо и новое міросозерцаніе, которое приводило бы всѣ сложные запросы человѣческой жизни къ единству и строило бы

земную жизнь на фундаментѣ братства и взаимопомощи. Иначе, какъ бы высока и утонченна ни была цивилизація, если она построена на началахъ, ведущихъ къ разъединенію, она построена на пескѣ. „И пойдетъ дождь, и разольются рѣки, и подуютъ вѣтры... и будетъ паденіе дома великое“*).

Подобное міросозерцаніе, охватывающее въ единомъ стройномъ синтезѣ всѣ запросы человѣческой души и всѣ области человѣческой жизни и построенное на основахъ Разума и Любви, дается Теософіей.

Теософія не есть новое ученіе. На протяженіи всего долгаго пути, которое человѣчество совершало на землѣ, Теософія вдохновляла благороднѣйшіе умы, которые давали духовную пищу человѣчеству. Въ древней Индіи она называлась Брама-Видія, у Грековъ и у первыхъ Христіанъ она носила названіе Гнозиса, а на нашемъ современномъ языкѣ ее можно выразить какъ религіозно-научный синтезъ, объединяющій всѣ области знанія въ единую Мудрость.

Въ области науки Теософія приводитъ весь огромный матеріалъ, созданный пытливой человѣческой мыслью, къ единству и въ то же время безпредѣльно расширяетъ область науки, перебрасывая мостъ изъ міра земного въ міры потусторонніе, которые отвергаются матеріалистической наукой, но Теософіей признаются не менѣе реальными, чѣмъ міръ земной.

Въ области человѣческой психологіи Теософія производитъ полный переворотъ: она утверждаетъ, что человѣкъ возвращается снова и снова на землю до тѣхъ поръ, пока не усвоитъ всего опыта, дающагося земными переживаніями; что опытъ этотъ существуетъ для того, чтобы раскрывались таящіяся въ безсмертной душѣ человѣка божественныя свойства; что организмъ человѣка находится въ неустанномъ развитіи, приспособляющемся къ растущему сознанію, для котораго онъ и служитъ проводникомъ; что современемъ въ немъ разовьются новые, несравненно болѣе тонкіе органы воспріятія. Изъ всѣхъ этихъ положеній неизбѣжно вытекаетъ, что поле всего нашего сознанія несравненно шире земного сознанія, проявляющагося черезъ мозгъ и нервную систему, что послѣднее постоянно расширяется и современемъ захватитъ такія области, которыя на данной ступени развитія не доступны для насъ. Широкіе психологическіе горизонты, раскрываемые теософическими ученьями, дадутъ наукѣ воспитанія

*) Ев. отъ Матѳея.

новые принципы и новые методы для глубоко обоснованной культуры дѣтской души.

Въ области религіи Теософія доказываетъ происхожденіе всѣхъ міровыхъ религій изъ единаго божественнаго источника и тѣмъ устанавливаетъ духовное единство всего человѣчества.

Основываясь на живомъ опытѣ человѣческой души, который, какъ фактъ духовной жизни, не можетъ быть разрушенъ никакимъ критицизмомъ, Теософія учитъ, что Богопознаніе не можетъ быть внѣшнимъ, что оно раскрывается внутри человѣка и ведетъ его къ Истинѣ.

Въ области искусства Теософія поднимаетъ знамя вѣчныхъ идеаловъ. Важнѣйшей задачей искусства она признаетъ его стремленіе облагораживать земныя формы жизни и устремлять чаянья человѣческой души къ Вѣчной Красотѣ и Гармоніи. Только то искусство способно расти, которое владѣетъ высокимъ идеаломъ. Любовь и вѣра — вотъ два могучихъ крыла, съ непреодолимой силой поднимавшія искусство на горнія высоты, гдѣ царитъ неумирающее вдохновеніе, откуда видно Истинное и Вѣчное.

Въ области общественности Теософія учитъ, что самыя высокія и культурныя формы жизни *ничто*, если люди, создавшіе ихъ, настроены эгоистически, не чувствуютъ своего неразрывнаго единства со всѣмъ организмомъ народнымъ и не сознаютъ своей нравственной отвѣтственности за матеріальное и духовное благо всѣхъ. Утверждая это, Теософія заставляетъ гораздо глубже думать о самой жизни людей, о культурѣ ума и сердца, активнѣе работать въ пользу того, чтобы самая жизнь становилась здоровѣе, чище, достойнѣе и счастливѣе, чтобы формы *служили* жизни, а не держали жизнь въ плѣну. Сильный и прекрасный общественный строй можетъ организоваться только изъ хорошихъ гражданъ, а хорошіе граждане воспитываются тѣми идеями, до которыхъ способно возвыситься міропониманіе данной эпохи и даннаго народа. *„Все ведущее къ единству есть добро, все ведущее къ разъединенію есть зло“*—вотъ въ двухъ словахъ суть общественной этики истинно теософическаго міросозерцанія.

Мы коснулись въ самыхъ общихъ чертахъ безбрежнаго океана Теософіи только для того, чтобы показать читателю, въ какомъ освѣщеніи „Вѣстникъ Теософіи“ будетъ разсматривать всѣ вопросы жизни. Поверхностно знакомые съ ученіемъ теософіи думаютъ, что она отдаляетъ человѣка отъ жизни; въ дѣйствительности же какъ разъ наоборотъ—она служитъ жизни, она углубляетъ ее и даетъ отвѣты на самыя трудныя ея проблемы.

— „Вѣстникъ Теософіи“ будетъ относиться съ полной терпимостью ко всѣмъ оттѣнкамъ мнѣній и будетъ привѣтствовать всѣ родственныя духовныя теченія.

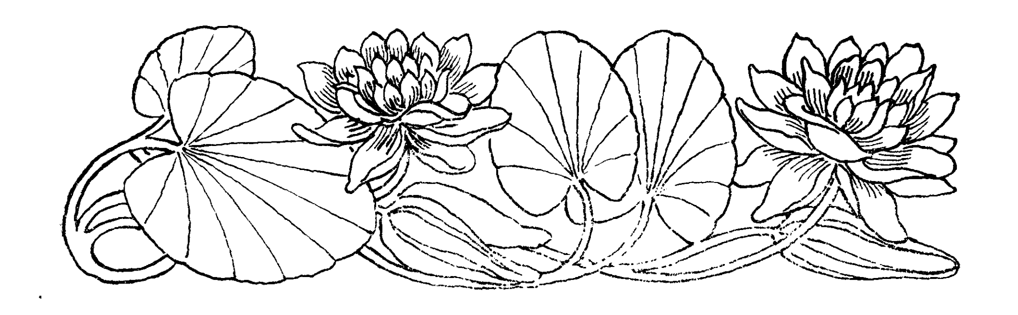
— Въ видѣ приложенія къ журналу предполагается печатать отдѣльными листами переводъ книги „Великіе Посвященные“ Шюре,—съ тѣмъ чтобы каждый желающій могъ впослѣдствіи переплесть эти листы въ отдѣльную книгу.

— Выступивъ въ истекшемъ декабрѣ со сборникомъ „Вопросы Теософіи“, редакція имѣла въ виду выпускать періодически сборники такого же типа, и лишь современемъ перейти къ изданію журнала. Но запросы современной жизни развиваются съ такой усиленной быстротой, что Редакція нашла своевременнымъ перейти немедленно къ формѣ журнала, не отказываясь современемъ продолжить и начатую серію „Теософическихъ Сборниковъ“. Въ декабрьскомъ сборникѣ были напечатаны первыя три лекціи по Психологіи А. Безантъ; признавая эти лекціи крайне интересными и своевременными, Редакція намѣревается печатать ихъ продолженіе въ „Вѣстникѣ Теософіи“, начиная съ февральской книжки,—но такъ какъ подписчики могутъ и не имѣть упомянутаго Сборника, то три первыя лекціи перепечатываются изъ Сборника и даются, въ видѣ приложенія къ январьской книжкѣ „Вѣстника Теософіи“. Въ связи съ этимъ, такъ какъ перепечатка указанныхъ статей увеличиваетъ предположенные размѣры изданія, выходъ приложенія „Великіе Посвященные“ Шюре отлагается до февральской книжки журнала.

„И малое дитя ихъ поведетъ“...
(Пр. Исаія, гл. XI).

„И малое дитя ихъ поведетъ"...

(Пр. Исаiи, XI гл).

Цѣнность знанiя опредѣляется тѣмъ, насколько оно помогаетъ очистить и облагородить жизнь. Научно-религiозный синтезъ, который именуется Теософiей, изучаетъ законы, дѣйствующiе въ мiрѣ психическомъ и духовномъ съ такой же точностью, съ какою въ мiрѣ физическомъ дѣйствуютъ законы физическiе. Какъ въ мiрѣ физическомъ царитъ строжайшiй порядокъ соотношенiй и причинности и стройное движенiе впередъ, такъ и въ мiрѣ духовномъ есть глубокая связь и взаимодѣйствiе явленiй такая же строгая причинность и закономѣрность, такой же постоянный процессъ развитiя и роста. Законъ сохраненiя энергiи, законъ причинности, законъ эволюцiи—вотъ тѣ три основныхъ закона, которые управляютъ всею жизнью космоса и совершенно равно проявляютъ свое дѣйствiе какъ въ мiрѣ физическомъ такъ и въ сферѣ явленiй психическихъ и духовныхъ. „Ни одинъ атомъ пыли, ни одна частичка матерiи не исчезаетъ и не пропадаетъ, говоритъ матерiализмъ, все продолжаетъ жить и возрождаться въ новой и болѣе совершенной формѣ"... „Ни одно усилiе человѣческой воли, ни одна мысль, ни одинъ порывъ любви не пропадаетъ, говоритъ Теософiя, все продолжаетъ жить и участвуетъ въ непрерывномъ творчествѣ и совершенствованiи вселенной".

Въ противоположность агностицизму, который провозглашаетъ, что мы ничего не знаемъ и не можемъ познать кромѣ явленiй, Теософiя основывается на эзотерической основѣ всѣхъ великихъ религiозныхъ ученiй, что человѣкъ *можетъ* познать источникъ своего бытiя, что есть путь къ Богопознанiю. По тождеству своей внутренней природы съ Богомъ онъ можетъ познать

Бога: есть Богъ въ насъ, значитъ Онъ есть, какъ говоритъ Владиміръ Соловьевъ.

Но какъ находитъ человѣкъ Бога въ себѣ? Какіе пути открываетъ Теософія жаждущему найти себя? Есть-ли у Теософіи какая-нибудь теорія познанія, и если есть, то чѣмъ она разнится отъ остальныхъ гносеологическихъ методовъ?

Этимъ вопросамъ со временемъ будетъ посвященъ рядъ особыхъ статей. Сегодня же мы коснемся ихъ вкратцѣ, отмѣтивъ основныя положенія Теософіи и ея позицію по отношенію къ другимъ философскимъ ученіямъ.

Эмпиризмъ стремится все построить на опытѣ нашихъ пяти чувствъ и, естественно, приводитъ къ скептицизму. Локкъ убѣжденъ, что мы познаемъ только свои идеи; Юмъ—что мы познаемъ только свои впечатлѣнія и воспоминанія о нихъ. Разъ единственный источникъ знанія—опытъ—есть результатъ воздѣйствія внѣшняго міра на „я“, воздѣйствіе, вызывающее въ „я“ опредѣленныя, субъективныя состоянія, то выводъ непремѣнно будетъ, что знаніе не имѣетъ трансцедентнаго значенія, что оно имѣетъ характеръ имманентный, и при томъ субъективный.

На смѣну эмпиризма идетъ раціонализмъ. Не смотря на глубокое различіе его исходныхъ точекъ съ теоріями эмпиристовъ, эти ученія въ своей гносеологической части совершенно совпадаютъ по тому разъединенію, которому они подвергаютъ объектъ и субъектъ: самъ объектъ, впечатлѣніе отъ котораго доходитъ до сознанія, остается недоступнымъ познанію; доступны только его дѣйствія на органы чувствъ или его отраженіе въ разумѣ, его копіи, такъ сказать.

Слѣдовательно, эмпиризмъ разсматриваетъ знаніе, какъ результатъ опыта нашихъ внѣшнихъ чувствъ; раціонализмъ видитъ въ знаніи результатъ дѣятельности разума. Таковы конечные выводы эмпиризма и раціонализма.

Доведенный до крайности интеллектуализмъ ярко выразился въ ученіи Канта, провозгласившаго, что міръ есть только представленіе и что познать мы можемъ только процессъ познаванія. Себя мы познаемъ, какъ явленіе. Знаніе исходитъ изъ опыта, знаніе не можетъ быть трансцедентно. Таковъ конечный выводъ кантіанства. Этотъ выводъ совпадаетъ съ выводами эмпиризма и раціонализма.

Но въ XIX вѣкѣ являются идеалистическія философскія школы, признавшія возможность внутренняго воспріятія, путемъ котораго человѣкъ можетъ познать внѣшній міръ также непосред-

ственно, какъ и свой внутренній міръ. Признаніе этого внутренняго непосредственнаго воспріятія (интуиціи) и положило начало обоснованію мистицизма.

Фихте считаетъ, что объекты творятся въ сверхъиндивидуальномъ сознаніи и непосредственно даны для созерцанія человѣку. Этимъ созерцаніемъ человѣкъ можетъ познать самую суть вещей.

Шеллингъ опредѣляетъ „я" какъ живой духъ, а природу—какъ самостоятельный, живой организмъ, какъ низшую ступень развитія духа. Непосредственному соприкосновенію съ этимъ духомъ, дающему истинное знаніе, онъ противополагаетъ знаніе, пріобрѣтаемое наблюденіями надъ внѣшними явленіями и именуемое наукой. Онъ говоритъ: „Живое знаніе абсолютнаго можетъ быть только непосредственнымъ созерцаніемъ, которое превосходитъ всякое опредѣленіе черезъ понятіе". Людей, созерцающихъ такимъ образомъ истину, онъ называетъ „ясновидцами, подлинными эмпириками, отъ Бога посланными пророками".

Шеллингъ признаетъ абсолютное знаніе.

Въ стройной философіи Гегеля есть указанія на методы этого созерцанія, этого внутренняго воспріятія. Его идеализмъ также абсолютный.

„Истина всѣхъ конечныхъ вещей, говоритъ онъ, есть абсолютный духъ, и самый процессъ жизни вселенной есть ни что иное, какъ процессъ развитія абсолютнаго духа"... Духъ созерцаемаго объекта отражается въ нашемъ сознаніи и, затѣмъ, познается нами, какъ предметъ самосознанія. „Когда я мыслю, говоритъ Гегель, я отрѣшаюсь отъ своихъ субъективныхъ особенностей, погружаюсь въ предметъ, предоставляю мысли развиваться изъ самой себя, и я мыслю дурно, если прибавляю что-нибудь отъ себя"...

Въ своей книгѣ „Обоснованіе Интуитивизма", Н. О. Лосскій даетъ тому, что онъ называетъ „мистическимъ эмпиризмомъ" или „интуитивизмомъ", интересное гносеологическое обоснованіе. По этому ученію, опытъ относительно внѣшняго міра есть испытываніе, переживаніе наличности самого внѣшняго міра, а не однихъ только его дѣйствій на „я"; онъ признаетъ болѣе широкую сферу опыта, чѣмъ обыкновенно это дѣлаютъ. „Если міръ, не—„я", говоритъ онъ, переживается въ опытѣ не только черезъ его дѣйствія на субъектъ, а самъ по себѣ, въ своей собственной, внутренней сущности, то это значитъ, что опытъ заключаетъ въ себѣ также и нечувственные элементы и, что связи между вещами даны въ

опытѣ. Противорѣчіе между нечувственнымъ и опытнымъ знаніемъ оказывается предразсудкомъ: *сверхчувственное не есть сверхъопытное*".

Такимъ образомъ, заявленіе мистиковъ всѣхъ временъ о реальности ихъ переживаній получаетъ новое научное обоснованіе.

Что такое мистицизмъ? По опредѣленію Плотина „мистицизмъ есть способность видѣть закрытыми очами, очами души, когда закрыты тѣлесные глаза". Къ мистическому состоянію сознанія относятся всѣ интуиціи, всѣ пророчества и откровенія. Мистикъ высшаго типа есть религіозный геній.

Въ своей интересной статьѣ „О религіозномъ мистицизмѣ" *) П. Н. Батюшковъ отмѣчаетъ, что мистики видятъ въ любви особый путь къ познанію; познаніе невозможно для того, кто наблюдаетъ и созерцаетъ безъ любви. Человѣкъ ищетъ Бога, или, какъ говорятъ на Востокѣ, онъ ищетъ себя **). Это мистическое начало заложено въ каждомъ человѣкѣ. „Все опредѣленное, конечное, несовершенное, есть ничто иное, какъ несовершенный символъ безконечнаго, идеальнаго, совершеннаго" ***) и въ жаждѣ постигнуть это совершенное и заключается смыслъ всѣхъ духовныхъ исканій.

По теософическому ученію въ человѣкѣ живетъ не одно, а нѣсколько началъ, нѣсколько „я", и каждой ступени эволюціи соотвѣтствуетъ раскрытіе одного изъ нихъ.

Въ человѣкѣ уже вполнѣ раскрылись начало страстное (Kama), и начало интеллектуальное (Manas). Въ будущемъ ему суждено раскрыть высшее начало, духовное (Buddhi), которое въ немъ еще только пробуждается, и чуткими людьми предчувствуется. Особенно сильно это предчувствіе въ славянской расѣ, гдѣ оно выражается тревожнымъ исканіемъ и трагическимъ разрывомъ между разумомъ и сердцемъ.

Начало интеллектуальное двойственно, и въ философіи эта двойственность уже отмѣчена. Въ работахъ нашихъ русскихъ психологовъ мы встрѣчаемъ выраженіе „малый разумъ", чему противопоставляется высшій, интуитивный разумъ. Этотъ высшій разумъ и есть мостъ, перебрасываемый отъ интеллектуальнаго пониманія къ духовному, и совершается этотъ процессъ посредствомъ того метода внутренняго созерцанія, на который геніально указываетъ Гегель.

---

*) Свободная Совѣсть, II, 1906 г.

**) Исканіе Бога, Анни Безантъ. I Теософическій сборникъ: Вопросы Теософіи.

***) Тамъ же.

„Тотъ, кто хочетъ идти по тропѣ истиннаго познанія, говоритъ д-ръ Рудольфъ Штейнеръ, долженъ быть каждую минуту готовымъ себя „потушить“...

Какъ только потушена самость, смыслъ явленій и вещей вливается въ насъ и мы познаемъ ихъ тѣмъ непосредственнымъ, внутреннимъ процессомъ, который и есть мистическое воспріятіе. Только тогда, когда въ насъ смолкаютъ сужденіе и критика и когда успокоивается наше страстное „я“, только тогда намъ открывается истинное познаніе объекта. Внутренняя тишина необходима для познанія истины. Она отражается въ глубинѣ духа, какъ небеса отражаются въ свѣтлыхъ водахъ чистаго озера.

Не даромъ Платонъ и Пиѳагоръ придавали такое глубокое значеніе изученію математики. Если человѣкъ желаетъ успѣвать въ математикѣ, онъ долженъ умѣть сосредоточиться, т. е. потушить себя, на время какъ бы отрѣшиться отъ міра. То же, съ каждой серьезной задачей, съ которой человѣкъ имѣетъ дѣло. И къ людямъ, и къ явленіямъ человѣкъ долженъ научиться подходить, предварительно потушивъ себя. Дѣло совсѣмъ не въ томъ умнѣе насъ или глупѣе данный человѣкъ, ибо, по прекрасному выраженію д-ра Штейнера, и самое непонятливое дитя имѣетъ что раскрыть величайшему мудрецу, и если мудрецъ подойдетъ къ дитяти съ самой мудрой своей мыслью, то онъ своей мудростью заслонитъ себя отъ того, что дитя могло бы ему раскрыть... Тѣ, кто живутъ сильной жизнью сердца, инстинктивно отбрасываютъ все личное свое, когда подходятъ къ тѣмъ, кого любятъ; оттого любящее сердце и одарено такимъ удивительнымъ ясновидѣніемъ. Теперь и понятно, почему мистики всѣхъ временъ придавали такое значеніе жизни сердца. Интеллектъ сумѣлъ завоевать много цѣннаго въ исторіи человѣческой культуры; онъ сдѣлалъ громадное дѣло, и это дѣло еще не закончено, пока его славныя завоеванія не сдѣлались собственностью всѣхъ. Человѣчеству нужно было пройти черезъ періодъ крайняго индивидуализма, познать себя въ крайнихъ проявленіяхъ своей самости и страстнаго самоутвержденія. Но этотъ періодъ заканчивается. Въ человѣкѣ просыпается новое начало, проявляются новыя стремленія и способности. Что таковое духовность? По опредѣленію Анни Безантъ, духовность есть пониманіе единства всего существующаго, но пониманіе не теоретическое, холодно-интеллектуальное, а глубокое, вошедшее въ плоть и кровь человѣка, то пониманіе, которое ведетъ за собою необходимое его осуществленіе въ жизни. Человѣкъ, въ которомъ пробудилась духовность, въ которомъ ро-

дился „Христосъ“, неминуемо преобразуетъ всю свою жизнь не потому что разумъ ему подсказалъ, что такъ будетъ лучше, а въ силу внутренней необходимости. Чувствуя себя въ единенiи со всѣмъ существующимъ, онъ не можетъ относиться пассивно къ жизни и къ ея несовершенству, ибо каждое такое несовершенство отзывается въ немъ, какъ его собственное зло и страданiе. Откинувъ все личное, эгоистическое и обособленное, онъ все больше и глубже сливается съ мiромъ, все больше и больше носитъ его въ своей душѣ. „Тотъ, кто любитъ весь мiръ, обладаетъ вселенной“, сказалъ ясновидецъ Шиллеръ, выразившiй много теософическихъ мыслей въ своихъ работахъ объ эстетическомъ воспитанiи человѣчества и въ „Перепискѣ Юлiя и Рафаэля“.

Любовь есть тотъ ключъ, которымъ отворяются ворота въ сферы высшихъ переживанiй, то очищающее пламя, черезъ которое долженъ пройти каждый искренно ищущiй духовнаго вѣдѣнiя. Въ немъ сгораютъ до тла и страстная жажда самоутвержденiя, и стремленiе къ обособленiю и всѣ лукавыя мудрствованiя малаго разума. По мѣрѣ того, какъ потухаетъ вѣчно сомнѣвающееся, страстное, критикующее низшее я, все мощнѣе выростаетъ глубоко спокойное и всепрозрѣвающее высшее я. Малый разумъ уступаетъ мѣсто высшему разуму, тому золотому мосту, который сливаетъ переживанiя чистаго разума съ высшимъ, духовнымъ началомъ человѣка (Buddhi).

Всѣ пути ведутъ искренно ищущаго къ Богу, но идущiй путемъ интеллектуальныхъ исканiй долженъ непремѣнно развить въ себѣ способность къ высшимъ воспрiятiямъ, т. е. потушить свою страстность и обособленность. Онъ долженъ обратиться въ маленькое дитя, о которомъ говорится въ Евангелiи, и только тогда Царствiе Божiе ему откроется. Вотъ почему въ Индусскомъ Св. Писанiи, гдѣ описывается три пути: путь дѣянiй (Karma Marga), путь познаванiя (Inana Marga) и путь любви (Bakta Marga), говорится, что есть одна точка, въ которой всѣ эти пути сливаются, ибо безъ Любви (Bakta) идти дальше нельзя. И все, чѣмъ самоутверждающiйся интеллектъ человѣка такъ гордился и такъ высоко ставилъ, все свое блестящее вооруженiе и свои острыя стрѣлы, и всѣ тѣ увлекательныя страстныя переживанiя, что открывали передъ нимъ то небо, то бездну, все это онъ покорно сложитъ и пойдетъ, какъ маленькое невинное дитя искать Бога...

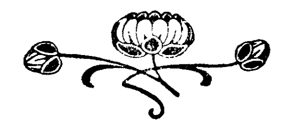
Чѣмъ выше поднимается человѣкъ въ духовныхъ переживанiяхъ, тѣмъ чаще появляются кажущiяся противорѣчiя. Въ ту самую минуту, когда онъ отречется отъ себя и въ глубокомъ

актѣ смиренія откажется отъ обладанія чѣмъ бы то ни было, готовый страдать, готовый блуждать во тьмѣ, готовый на мракъ одиночества и на холодъ могилы, въ эту минуту онъ откроетъ себя для радостей неизрѣченныхъ... Пробьетъ часъ, и свѣтъ и радость сойдутъ въ него и внутреннимъ зрѣніемъ онъ постигнетъ то, что есть жизнь вѣчная...

Свѣтъ, загорѣвшійся въ немъ, передастся міру, и произведетъ тамъ такія глубокія измѣненія, что подъ его вліяніемъ все звѣриное въ человѣчествѣ, алчное и злое, начнетъ смягчаться; лучшія стремленія, пребывающія въ глубинѣ самыхъ ожесточенныхъ сердецъ, проснутся къ жизни и слова пророка получатъ реальное осуществленіе.

Побѣдившій себя безбоязненно идетъ на встрѣчу событіямъ; ему не страшна человѣческая вражда, онъ не содрагается отъ человѣческаго непониманія и темноты. И стихіи покорны ему, и злыя страсти смиряются, и жизнь повинуется ему. Ибо сказано: „И малое дитя ихъ поведетъ“ (пр. Исаіи, гл. XI).

Alba.

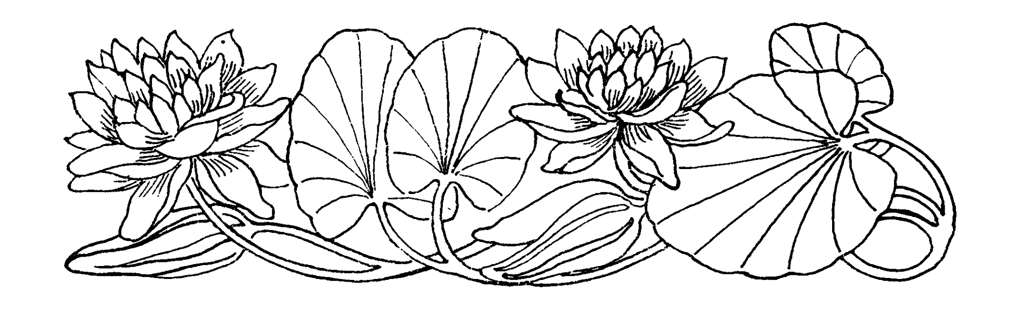

ИНДУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Кто далъ лебедю его бѣлизну, попугаю—зеленыя крылья, а павлину его оттѣнки радуги, не позаботится ли тотъ и о тебѣ?

* * *

Подобная луннымъ лучамъ, дрожащимъ на водѣ, воистину такова жизнь смертнаго; зная это, предоставь совершаться должному.

Президентскій адресъ.

А. Безантъ *).

Къ Теософическому Обществу, къ его Представителямъ и Членамъ.

Дорогіе друзья.

Подавляющимъ большинствомъ вы утвердили выборъ нашего Президента-Основателя, сдѣланный имъ по указанію его Учителя, и призвали меня къ работѣ на высокомъ посту Президента Теософическаго Общества. Этимъ актомъ Общество, какъ цѣлое, рѣшило слѣдовать по пути, намѣченному его двумя внѣшними Основателями **), и не уклоняться отъ Руководительства, давшаго Обществу его перваго Президента и указавшаго на его преемника. Такъ вступаетъ Общество, съ избраннымъ Президентомъ во главѣ, въ новый періодъ своей дѣятельности, подъ тѣмъ же благословеніемъ, которое пребывало на немъ съ самаго его появленія на свѣтъ и которое снова дается ему—вступаетъ какъ избранный

*) Мы приводимъ этотъ адресъ не въ полномъ его видѣ въ виду его обширности, а только первую его часть, представляющую общій интересъ, и опускаемъ вторую часть, въ которой указываются методы теософической работы.

**) Этими основателями были Елена Петровна Блаватская и Генри Олькоттъ, которые считали себя лишь орудіями Учителей Мудрости; существованіе послѣднихъ отрицается только на Западѣ, на Востокѣ же оно признается неоспоримымъ фактомъ, хорошо извѣстнымъ всѣмъ Браминамъ и Пандитамъ Индіи. Е. П. Блаватская и Олькоттъ постоянно утверждали устно и въ печати, что Учителя возложили на нихъ миссію раскрывать передъ міромъ эзотерическія ученія древней Мудрости, строго охранявшіяся до нашего времени въ мистическихъ школахъ, доступъ въ которыя былъ чрезвычайно труденъ.

проводникъ непосредственнаго вліянія Учителей Мудрости, какъ носитель знамени великаго теософическаго движенія, вліяніе котораго проходитъ черезъ религіи, литературы, искусства и черезъ всю дѣятельность человѣчества, готовящагося перейти на новую ступень цивилизаціи.

Общество утверждаетъ себя какъ ядро Всемірнаго Братства и характеръ этого ядра опредѣляется самымъ названіемъ „*теософическаго*". Цѣль его дѣятельности: провозгласить и передать міру Теософію, Божественную мудрость, Brahma Vidyâ, Гнозисъ, Герметическую науку—высочайшую Дѣйствительность, Свѣтъ всѣхъ свѣтовъ, Истину всѣхъ истинъ, утверждающую, что человѣкъ *можетъ* познать Бога, ибо по природѣ своей онъ тождественъ съ тѣмъ, чтó ищетъ познать. И лишь на этомъ всепроникающемъ тождествѣ, на этомъ *Единствѣ* основано Всемірное Братство; чтобы дать внѣшнее доказательство этого Единства, члены Братства изслѣдуютъ всѣ религіи, философіи и изыскиваютъ методы проникновенія въ тайны природы и человѣка.

Вотъ почему Теософическое Общество принимаетъ въ свою среду мужчинъ и женщинъ всѣхъ религій и всѣхъ убѣжденій, не требуя отъ нихъ вѣры въ свои ученія, какъ бы жизненны и неоспоримы они ни были, и ставитъ имъ только одно условіе: *признаніе всемірнаго Братства.* Съ великой вѣрой въ побѣждающую силу Истины, Общество становится выше всѣхъ преградъ, внѣшнимъ образомъ раздѣляющихъ человѣчество: пола, расы, религіи, цвѣта кожи, касты, и привѣтствуетъ какъ братьевъ даже тѣхъ, кто отрицаетъ самыя истины, на которыхъ основано Братство, кто отвергаетъ Открывшихъ Истину и сдѣлавшихъ ея осуществленіе возможнымъ для человѣчества. Область Теософіи обширна какъ сама мысль, а ея всеобъемлющая любовь подобна солнцу, дающему тепло и жизнь всѣмъ, даже неспособнымъ видѣть его свѣтъ.

Необходимымъ условіемъ для того, чтобы продолжалась жизнь Теософическаго Общества, является его полнѣйшая терпимость ко всевозможнымъ оттѣнкамъ мнѣній. Никто не имѣетъ права исключать своего брата за несходство въ мысляхъ и требовать бóльшей свободы для своихъ убѣжденій, чѣмъ для убѣжденій другого. Мы всѣ должны быть *Оберегателями* полнѣйшей свободы мысли, и я, какъ вашъ Президентъ, болѣе всѣхъ; и не изъ снисхожденія, а потому, что свобода — прирожденное право разума, дыханіе его жизни. Терпимость, даже съ нетерпимыми, должна быть нашимъ правиломъ. И это не должны быть одни слова, а принципъ, про-

никающій всю нашу жизнь и всѣ поступки, чтобы никакого рода ортодоксія, задерживающая свѣжіе побѣги жизни, не могла закрасться въ наше Общество. Мы должны даже радоваться различію мнѣній и давать полный просторъ ихъ выраженію, чтобы въ наши окна свѣтъ проникалъ со всѣхъ сторонъ. И это не только вѣрное правило, это вѣрное искусство жизни, ибо только при широкой терпимости могутъ раскрываться передъ нами все новые пути. Мы всѣ владѣемъ только частицей истины, и никому изъ ищущихъ не слѣдуетъ ставить препятствій, чтобы не утерялась и та частица, которую ищущій можетъ принести съ собой. Лучше временное существованіе тысячи ошибокъ, чѣмъ уничтоженіе хотя бы единой истины въ моментъ ея появленія въ міръ. И я прошу всѣхъ Теософовъ помогать мнѣ въ этомъ и всегда стоять на стражѣ свободы духа, ибо только всеобщая и постоянная бдительность можетъ предовратить нарушеніе ея.

Но не слѣдуетъ думать, что полная свобода мнѣній означаетъ безразличіе убѣжденій, или что свобода мысли мѣшаетъ полностью выражать свои собственныя мнѣнія, вѣрованія и знанія. Свобода должна быть одинакова какъ для утвержденія, такъ и для отрицанія, и скептицизмъ не долженъ требовать бо̀льшихъ правъ для себя, чѣмъ для утверждающаго знанія, ибо Общество уже самымъ названіемъ своимъ устанавливаетъ существова́ніе Божественной Мудрости, а между тѣмъ утвержденіе это было бы безцѣльно, если бы эта Мудрость была не достижима для человѣчества. Болѣе того, самый смыслъ существованія Общества былъ бы утерянъ, если бы оно, какъ цѣлое, не стремилось распространять Ученія, ведущія къ достиженію Мудрости, но отдѣльнымъ членамъ оно должно оставлять полную свободу: и право придавать этимъ ученіямъ ту форму, какая наиболѣе отвѣчаетъ ихъ индивидуальности, и даже право отрицать любую изъ нихъ. Каждая истина становится для человѣка видимой только тогда, когда онъ разовьетъ способность воспріятія на соотвѣтствующемъ этой истинѣ уровнѣ мысли; и если Общество отказывается навязывать своему члену опредѣленное выраженіе истины, это не означаетъ желанія, чтобы человѣкъ оставался слѣпымъ, но чтобы сила мысли выростала на открытомъ воздухѣ свободы, а не въ тепличной замкнутости необоснованныхъ вѣрованій. Вотъ почему Общество не должно требовать отъ своихъ членовъ вѣры даже въ тѣ истины, которыя составляютъ самую суть его жизни, хотя если бы оно отказалось отъ этихъ истинъ какъ Общество, оно совершило бы самоубійство.

Теософическое общество предлагаетъ такимъ образомъ мыслящимъ людямъ, исповѣдующимъ различныя религіи, а также и стоящимъ внѣ религіи, общее поле, на которомъ всѣ ищущіе истину могли бы встрѣчаться свободно и дружелюбно и поучаться другъ отъ друга. Оно является глашатаемъ того будущаго, когда всѣ религіи будутъ признавать себя вѣтвями Единой Религіи, Мудрости Божіей. Какъ вашъ Президентъ, я говорю всѣмъ желающимъ мира и добра: „Будемъ работать надъ возведеніемъ царства религіозной Истины религіознаго Мира и религіозной свободы на землѣ,—надъ возведеніемъ истиннаго царства Божія".

ИНДУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

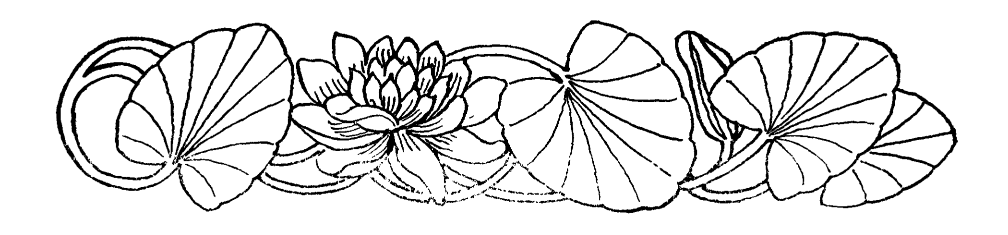
На ядовитомъ деревѣ міра сего есть два сладкихъ какъ медъ плода: радость божественной поэзіей и дружба благороднаго человѣка.

* * *

Всякое благополучіе принадлежитъ душѣ, довольной своей долей; для того, кто носитъ башмаки, не вся ли земля покрыта кожей?

* * *

Душа есть рѣка: ея священный источникъ — *самообладаніе*, ея вода—*истина*, ея берегъ—*праведность*, волны ея—*состраданіе*; купайся въ ней, о сынъ Панду, ибо не отъ земной воды становится душа чистой.

Краткій очеркъ теософическаго ученія *).

Когда желаешь обсудить какую-нибудь обширную тему въ тѣсныхъ предѣлахъ небольшого очерка, то приходится выбирать одно изъ двухъ золъ: или точно формулировать отдѣльные пункты и подкрѣпить ихъ аргументами, при чемъ, однако, не удается дать сколько-нибудь цѣльнаго понятія о предметѣ, или же приходится дать лишь очеркъ совершенно общаго характера, оставляя безъ вниманія частные доводы, убѣждающіе въ истинности излагаемаго ученія. Такъ какъ главная задача настоящаго очерка дать читателю общее понятіе о томъ, что такое теософія, то я предпочитаю имѣть дѣло съ неудобствами послѣдняго метода и просто излагать вопросъ, не вступая въ полемическое обсужденіе частностей. Тѣмъ, которые достаточно заинтересованы предметомъ, чтобы желать пріобрѣсти болѣе подробныя свѣдѣнія, не трудно будетъ перейти къ изслѣдованію фактическихъ доказательствъ, которыя доступны всѣмъ, обладающимъ достаточнымъ терпѣніемъ, силой мысли и мужествомъ.

Мы, теософы, утверждаемъ, что есть всеобъемлющая, цѣлостная доктрина, философская, научная и этическая, лежащая въ

*) Предлагаемая брошюра представляетъ переводъ лекціи о теософіи, прочитанной г-жей Анни Безантъ въ South Place Institute въ Лондонѣ и вошедшей въ составъ сборника «The Religions Sistems of the World» („Религіозныя ученія всего міра“). Первая часть этого сборника, трактующая о великихъ религіяхъ древняго міра и современнаго Востока, переведена на русскій языкъ; вторая же часть, посвященная религіознымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и сектамъ и современнымъ прогрессивнымъ религіознымъ движеніямъ, и содержащая, между прочимъ, и предлагаемую лекцію г-жи Безантъ, не появлялась въ переводѣ на русскій языкъ. Мы выбрали для перваго номера нашего журнала именно эту лекцію, такъ какъ она въ весьма популярной формѣ ознакомляетъ съ главнѣйшими положеніями теософіи. Въ виду того, что, вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій, среди русской читающей публики очень мало лицъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ ученіями теософіи, мы предполагаемъ по возможности въ каждомъ изъ номеровъ издаваемаго нами журнала помѣщать какую-нибудь вполнѣ популярную статью.

Ред.

основѣ всего и включающая въ себя все, что есть точнаго въ философіяхъ, наукахъ и религіяхъ древняго и современнаго міра. Эта доктрина есть скорѣе философія и наука, чѣмъ религія въ обычномъ смыслѣ слова, такъ какъ она не требуетъ, по примѣру разныхъ существующихъ церквей, вѣры въ извѣстные догматы, непризнаніе которыхъ влечетъ за собой какія-нибудь сверхъестественныя наказанія. Она дѣйствительно можетъ быть названа религіей, если религію понимать какъ подчиненіе жизни божественному идеалу; но она предлагаетъ свои ученія, какъ могущія быть доказанными, а не на основаніи авторитета, сомнѣваться въ которомъ или отрицать который было бы кощунствомъ.

Что въ древности существовала такая цѣлостная доктрина, передававшаяся отъ поколѣнія къ поколѣнію, ясно для всякаго изслѣдователя. Эта доктрина преподавалась въ мистеріяхъ, о которыхъ д-ръ Уорбертонъ (Warburton) писалъ слѣдующее: „Мудрѣйшіе и лучшіе люди языческаго міра единогласно утверждаютъ, что мистеріи были учреждены съ чистыми намѣреніями и имѣли въ виду достиженіе самыхъ благородныхъ цѣлей достойнѣйшими средствами“. Говорить о посвященныхъ въ мистеріи, значитъ говорить о величайшихъ людяхъ древности; въ ихъ рядахъ мы находимъ Платона и Пиѳагора, Эвклида и Демокрита, Ѳалеса и Солона, Аполлонія и Ямвлиха. Изъ откровеній, сообщаемыхъ въ мистеріяхъ, они почерпнули свою мудрость и сообщали міру тѣ отрывки ея, которые имъ дозволяла сообщить произнесенная ими клятва. Но и эти отрывки питали міръ въ теченіе столѣтій, и даже еще въ настоящее время ученымъ людямъ современнаго запада приходится учиться у этихъ старшихъ сыновъ мудрости. Нѣкоторыхъ изъ этихъ людей можно найти среди учителей ранней христіанской церкви; они исповѣдывали христіанство въ его эзотерическомъ *) значеніи и пользовались экзотерическими догматами лишь какъ покрываломъ, скрывающимъ тайную истину. „Вамъ дано — говоритъ Іисусъ — знать тайны царствія Божія, а тѣмъ внѣшнимъ все бываетъ въ притчахъ“ (Маркъ IV, 11). И Климентъ Александрійскій и Оригенъ признавали эзотерическую природу истинъ, лежащихъ въ основѣ христіанства, какъ признавалъ ее до нихъ и Павелъ. Какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ экзотерическія религіи были лишь популяризаціей тайной мудрости. Но съ торжествомъ церковнаго начала, тайная мудрость все болѣе и болѣе отступала на задній планъ, пока самая память

*) „Эзотерическій“ значитъ внутренній, болѣе глубокій, тайный, въ противоположность „экзотерическому“, т. е. внѣшнему, поверхностному, популярному.

о ея существованіи не изгладилась изъ умовъ людей. Время отъ времени одинъ изъ ея учениковъ появлялся въ христіанскомъ мірѣ и давалъ ему какое-нибудь „открытіе“, толкавшее мысль по новому и плодотворному пути; такъ, напр., явился Парацельзъ съ его „открытіемъ“ водорода, магнетическимъ лѣченьемъ болѣзней и множествомъ намековъ на тайны природы, намековъ, не разработанныхъ даже еще и въ настоящее время. Прослѣдите чрезъ средніе вѣка тотъ путь, по которому слѣдовали въ своихъ трудахъ піонеры науки—путь слишкомъ часто освѣщавшійся пламенемъ костровъ, пожиравшимъ человѣческія тѣла, и вы увидите, что именно „маги“ и „волшебники“ были указателями этого пути. Болѣе чѣмъ удивительны тѣ перемѣны, которыя претерпѣвало отношеніе людей къ хранителямъ тайной мудрости. Въ древности люди, побуждаемые страстнымъ чувствомъ благодарности, смотрѣли на нихъ чуть ли не какъ на божества и считали, что нѣтъ почестей слишкомъ великихъ для тѣхъ, кто пріобрѣлъ право вступить въ храмъ обнаженной Истины. Въ средніе вѣка, когда люди, отвернувшись отъ свѣта, блуждали во тьмѣ и всюду видѣли дьяволовъ, адепты бѣлой магіи внушали не меньшій страхъ, чѣмъ адепты черной магіи*), и гдѣ бы ни появлялось новое знаніе, гдѣ бы ни проливался свѣтъ на области природы, дотолѣ остававшіяся темными, тамъ тотчасъ же раздавались крики ужаса и злобы, и люди отплачивали своимъ благодѣтелямъ мученіями и смертью. А въ наше время, увѣренные въ полнотѣ нашего знанія, убѣжденные въ томъ, что наша философія объемлетъ все доступное познанію на небѣ и на землѣ, мы уже не почитаемъ этихъ учителей какъ боговъ и не возстаемъ на нихъ какъ на дьяволовъ: въ то время, какъ они идутъ къ намъ съ протянутыми руками, полными безцѣнныхъ даровъ, мы презрительно пожимаемъ плечами, съ усмѣшкой отворачиваемся отъ нихъ и, говоря: „обманщики, шарлатаны“, отгораживаемся отъ нихъ стѣной современнаго самомнѣнія, воображающаго, что одинъ лишь девятнадцатый вѣкъ обладаетъ мудростью.

Теософія заявляетъ, что она и есть эта тайная мудрость, эта цѣлостная, всеобъемлющая доктрина; она утверждаетъ, что драгоцѣнный кладъ, обогащенный результатами изслѣдованій, предпринимавшихся многими поколѣніями ясновидцевъ и мудрецовъ, провѣренныхъ безчисленными опытами, въ настоящее время, какъ и въ древности, находится въ рукахъ могущественнаго братства,

*) Т. е. магіи, направленной на дурныя цѣли. *Перев.*

членовъ котораго называютъ различно: адептами, архатами, учителями, магатмами, братьями. Они такіе же живые люди, какъ мы, но достигшіе высшей ступени развитія, чѣмъ большинство человѣчества, и не переставая трудящіеся для пользы людей, съ совершеннымъ безкорыстіемъ и самоотреченіемъ; они считаютъ, что тѣ высшія силы, которыми они обладаютъ, ввѣрены имъ лишь съ тѣмъ, чтобы пользоваться ими для общаго блага, и готовы оставаться въ тѣни непризнанными, такъ какъ они стоятъ выше всякихъ эгоистическихъ желаній.

Притязанія, заявляемыя теософіей, велики, но въ пользу ихъ могутъ быть приведены фактическія доказательства. Я ограничиваюсь здѣсь тѣмъ, что лишь формулирую эти притязанія. Обращаясь въ настоящее время къ западному міру, теософія провозглашаетъ свои ученіе болѣе открыто, чѣмъ когда-либо прежде, просто въ силу того, что съ теченіемъ эволюціи люди становятся болѣе подготовленными къ принятію этихъ ученій, такъ что тѣ знанія, которыя нѣкогда считали возможными сообщать лишь небольшому меньшинству, теперь становятся доступными болѣе широкому кругу. Часть ученія теперь распространяется повсюду въ самой популярной формѣ, чтобы всѣ *способные* воспринять его, имѣли возможность познакомиться съ нимъ; но ключи, открывающіе доступъ къ тайнамъ мистерій, все еще ввѣряются лишь немногимъ, сила которыхъ была хорошо испытана и которые не дрогнутъ подъ тяжестью этихъ ключей и не выронятъ ихъ по слабости или вслѣдствіе измѣны. Какъ было въ древности, такъ и теперь тайная мудрость оберегается отъ однихъ и становится доступной другимъ не въ силу произвола учителей, соглашающихся или отказывающихся учить ей, а въ силу способности или неспособности вопрошающихъ понять и усвоить ее.

Теософія утверждаетъ существованіе вѣчнаго *Начала*, познаваемаго лишь чрезъ посредство его проявленій. Оно не можетъ быть описано никакими словами, такъ какъ слова предполагаютъ различеніе, оно же есть *Всё*. Мы шепчемъ: абсолютное, безконечное, безусловное, но эти слова ничего не выражаютъ. Мудрецы называютъ его *Sat*—*„сущее“*, не употребляя даже словъ „бытіе“ или „существованіе“. Лишь по отношенію къ міру явленій слова, употребляемыя нами, могутъ имѣть значеніе, но возникновеніе міра явленій предполагаетъ нѣчто, не вступившее въ сферу проявленія, такъ какъ все феноменальное преходяще и измѣнчиво, и въ основѣ его должно быть нѣчто вѣчное и неизмѣнное. Это вѣчное начало должно быть признано,—иначе какъ объяснить себѣ

возникновеніе существъ, окружающихъ насъ? Оно должно заключать въ себѣ то, что есть сущность и зародышъ всѣхъ возможностей, всѣхъ потенцій. Пространство есть единственное понятіе, которое хотя бы въ самой слабой степени можетъ отражать это начало, не искажая его до неузнаваемости, но молчаніе всего умѣстнѣе въ этихъ возвышенныхъ сферахъ, гдѣ крылья мысли ослабѣваютъ и слова замираютъ на устахъ.

Вселенная, съ точки зрѣнія теософіи, есть проявленіе одной изъ сторонъ *Всеединаго*. Ритмически смѣняются періоды дѣятельности и покоя, періоды проявленія и періоды поглощенія *), которые, пользуясь картинной и выразительной фразеологіей Востока, можно назвать могучими вздохами Великаго Дыханія. Осуществленные міры соотвѣтствуютъ выдыханію, вдыханіе же есть окончаніе періода дѣятельности. Первичная субстанція дифференцируется на неразрывно связанные другъ съ другомъ духъ и матерію, изъ которыхъ строится міръ видимый и невидимый, въ своемъ развитіи проходящій черезъ семь стадій или сферъ проявленія, изъ которыхъ каждая послѣдующая отличается отъ предъидущей плотностью соотвѣтствующей ей матеріи; субстанція всѣхъ этихъ стадій одна и та же, различны лишь степени ея уплотненія. Такъ химикъ, имѣя въ холодильникѣ воду въ состояніи невидимаго газа, можетъ сгустить ее въ еле замѣтное облако пара, затѣмъ въ густой паръ, въ жидкость и наконецъ въ твердое тѣло; химическій составъ воды все время остается одинъ и тотъ же, несмотря на измѣненіе ея состоянія. Не мѣшаетъ помнить, что химикъ имѣетъ дѣло съ фактами, наблюдаемыми въ природѣ, и что, поэтому, его изслѣдованія могутъ проливать свѣтъ на тѣ методы, которыми пользуется природа при своихъ болѣе обширныхъ операціяхъ; примѣръ этотъ можетъ, по крайней мѣрѣ, помочь намъ внести больше ясности въ наши представленія о ходѣ эволюціи въ прошломъ. Итакъ, съ точки зрѣнія теософическаго ученія „духъ" и „матерія" по существу едины, и вселенная отъ центра до окружности представляетъ одно живое цѣлое, въ которомъ нѣтъ ни одной молекулы, лишенной жизни. Оттого-то ученые всегда встрѣчали такія затрудненія, когда желали дать опредѣленіе „жизни". Каждое такое опредѣленіе оказывалось неудовлетворительнымъ, такъ какъ имъ исключались изъ сферы

*) Или иначе періоды эволюціи и инволюціи. Читателю, знакомому съ западными философскими системами, эта восточная концепція напомнитъ законъ ритмичности, развиваемый Спенсеромъ въ его „Основныхъ Началахъ". *Перев.*

живого извѣстныя явленія, которыя впослѣдствіи приходилось признать входящими въ область явленій жизни. Чувствительности, въ нашемъ смыслѣ слова, можетъ быть и нѣтъ, положимъ, въ царствѣ минеральномъ, но значитъ ли это, что минералы „мертвы“. Частицы минеральныхъ веществъ обладаютъ сцѣпленіемъ, вибрируютъ, притягиваютъ и отталкиваютъ другъ друга; что же все это, какъ не проявленіе той живой энергіи, которая заставляетъ міры двигаться по ихъ орбитамъ, которая, какъ молнія, пролетаетъ отъ одного континента къ другому, которая пробѣгаетъ по растенію отъ корня до верхушки, которая пульсируетъ въ животномъ и проявляется въ разумѣ человѣка? Всюду передъ нами единая жизнь, и потому единый законъ,—не хаосъ безпорядочно снующихъ атомовъ, а законообразно развивающійся космосъ. Сама смерть есть лишь перемѣна формы проявленія жизни, наступающая, когда жизнь, износивъ одинъ физическій покровъ, разрываетъ его и облекается въ новый. Когда люди легкомысленные говорятъ „онъ умеръ“, то мудрецы знаютъ, что это означаетъ, что безчисленное множество „жизней“, изъ которыхъ построено человѣческое тѣло, заряжено большимъ количествомъ энергіи, чѣмъ то, которое въ состояніи сдерживать физическій организмъ, и что давленіе этой энергіи такъ сильно, что оно должно вызвать разрушеніе организма. Но „смерть“ есть лишь превращеніе, а не разрушеніе, и во внутреннемъ ядрѣ каждой молекулы есть чистое жизненное начало, которое кристаллизуетъ вокругъ себя изъ своей собственной субстанціи физическій покровъ, чтобы быть въ состояніи проявлять дѣятельность въ объективной сферѣ.

Каждая изъ семи космическихъ сферъ характеризуется извѣстными, присущими лишь ей особенностями. О двухъ высшихъ мы здѣсь не будемъ говорить. Въ третьей духъ облеченъ въ самую утонченную матерію; это самое утонченное и разрѣженное изъ всѣхъ матеріальныхъ проявленій. Слѣдующая сфера есть сфера мудрости и любви; здѣсь духъ проявляется черезъ посредство матеріи нѣсколько болѣе плотной, и это проявленіе его иногда называютъ интуитивной душой *). Затѣмъ слѣдуетъ сфера

*) Приходится перевести такъ англійское выраженіе „Spiritual Soul“, т. к. дословный переводъ („духовная душа“) не удобенъ. Начало это въ санскритской терминологіи называютъ Buddhi и представляетъ неразрывное соединеніе интуитивнаго разума съ любовью въ высшемъ значеніи этого слова, т. е. съ любовью, вытекающею изъ мистическаго сознанія человѣкомъ своего единства со всѣми другими людьми и со всѣми вообще живыми существами. Эту сферу (вмѣстѣ съ предъидущей, съ которой она неразрывно соединена) можно также назвать сферой „міровой души“. *Перев.*

ума, высочайшаго духовнаго разума; здѣсь индивидуація уже начинается, и впервые появляется сознаніе личнаго *я*. Вещество въ этой сферѣ разрѣжено и тонко, но существованіе опредѣленныхъ и обособленныхъ формъ здѣсь уже возможно, такъ какъ индивидуальность предполагаетъ присутствіе ограниченія, отдѣленія *я* отъ не *я*. Шестая сфера, которой соотвѣтствуетъ еще болѣе уплотненное состояніе матеріи, есть сфера животныхъ страстей и желаній, обладающихъ вполнѣ реальными формами *въ своей собственной сферѣ*. Это такъ называемая астральная сфера, матерія которой лишь нѣсколько болѣе разрѣжена, чѣмъ наша грубофизическая матерія. Наконецъ, въ седьмыхъ мы имѣемъ сферу, всѣмъ намъ извѣстную—сферу объективной вселенной. Сферы эти перечислены мною въ порядкѣ возрастающей плотности ихъ вещества; обыкновенно перечисляютъ ихъ въ обратномъ порядкѣ, начиная съ самой плотной. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть: 1) сферу физическую, 2) астральную, 3) умственную, 4) сферу интуитивной души (Spiritual Soul), 5) сферу духовную и 6) и 7) сферы божественныя.

Остановимся на минуту надъ вопросомъ о „сферахъ“ (planes), такъ какъ отъ правильнаго пониманія его зависитъ то, насколько мы можемъ усвоить философскую сторону теософіи. Сферу можно опредѣлить какъ состояніе *), обладающее ясными характеристическими отличіями; отнюдь не слѣдуетъ думать о ней, какъ объ извѣстномъ мѣстѣ въ пространствѣ, представляя себѣ вселенную какъ бы состоящей изъ ряда концентрическихъ слоевъ, облекающихъ другъ друга, на подобіе чешуй луковицы. Понятіе это метафизическое, а не физическое, и суть дѣла въ томъ, что сознаніе въ каждой сферѣ функціонируетъ извѣстнымъ, характернымъ для нея образомъ. Такъ, человѣкъ изъ сферы объективной **), въ которой обыкновенно функціонируетъ его сознаніе, можетъ перенестись ***) и въ другія сферы: онъ можетъ переноситься въ сферу астральную во снѣ, подъ вліяніемъ месмеризма и разныхъ употребляемыхъ въ медицинѣ веществъ****); сознаніе его можетъ покинуть физическую сферу, его тѣло и мозгъ могутъ быть со-

*) Состояніе сознанія, которому соотвѣтствуетъ также и особое состояніе матеріи, такъ какъ духъ и матерія, субъективная и объективная стороны, всегда неразрывно связаны. *Перев.*

**) Т. е. грубо-матеріальной. *Перев.*

***) Напомнимъ еще разъ, что это надо понимать въ психологическомъ, а не физическомъ смыслѣ. *Перев.*

****) Напр. опіума, веселящаго газа и т. п.

вершенно бездѣятельны: электрическій свѣтъ не производитъ никакого впечатлѣнія на его глаза, можно ударять въ гонгъ надъ его ухомъ, и онъ ничего не будетъ слышать; всѣ органы его, чрезъ посредство которыхъ сознаніе его нормально функціонируетъ въ физическомъ мірѣ, въ такихъ случаяхъ совершенно безполезны для него, такъ какъ сознаніе, пользующееся ими, перенеслось въ другую сферу. Но онъ можетъ видѣть, слышать, понимать то, что происходитъ въ астральной сферѣ, видѣть вещи, невидимыя для физическихъ глазъ, слышать звуки, неслышимые для физическаго уха. Намъ скажутъ: это не реально. Но что есть „реальное“? Нѣкоторые люди считаютъ реальнымъ лишь то, что осязаемо, и вѣрятъ въ существованіе лишь того, что можетъ засвидѣтельствовать свою реальность, ушибивъ ихъ и оставивъ на ихъ тѣлѣ вполнѣ осязательные слѣды своего существованія. Но эмоція можетъ убить человѣка не менѣе быстро, чѣмъ стрѣла; мысль можетъ быть столь же дѣйствительнымъ цѣлебнымъ средствомъ, какъ лѣкарство. Самыя могущественныя силы именно тѣ, которыя невидимы въ нашей физической сферѣ, хотя онѣ вполнѣ видимы для органовъ чувствъ болѣе утонченныхъ, чѣмъ наши. Посмотрите на солдата, который, охваченный безумной страстью убійства, жаждой крови, будучи раненъ во время атаки, не замѣчаетъ своей раны, пока страсти его не успокоятся съ прекращеніемъ битвы; сознаніе его во время сраженія переносится во вторую сферу—сферу эмоцій и страстей, и лишь тогда, когда оно возвращается въ ту сферу, къ которой принадлежитъ физическое тѣло, солдатъ ощущаетъ боль. Точно такъ же великій мыслитель, когда сознаніе его переносится въ умственную сферу, совершенно отвлекается отъ окружающаго его физическаго міра; размышляя надъ какой-нибудь глубокой проблемой, онъ совершенно забываетъ о всѣхъ своихъ физическихъ потребностяхъ, и сознаніе его всецѣло сосредоточивается въ сферѣ умственной—третьей въ теософической классификаціи.

Сознаніе человѣка можетъ переноситься такимъ образомъ изъ одной сферы въ другую потому, что онъ самъ представляетъ миніатюрную вселенную и есть ни что иное, какъ дифференціація сознанія въ пяти низшихъ изъ семи космическихъ сферъ.

Сознаніе средняго нормальнаго человѣка функціонируетъ преимущественно въ сферахъ физической и астральной и въ низшей части умственной сферы. Когда въ умѣ человѣка блеснетъ какая-нибудь геніальная мысль, въ тѣ моменты, когда онъ всецѣло охваченъ стремленіемъ къ самому возвышенному, онъ озаряется на

мгновеніе свѣтомъ, исходящимъ изъ высшихъ областей умственной сферы; но это выпадаетъ на долю лишь немногихъ, да и то только въ тѣ рѣдкія минуты, когда человѣкъ, совершенно отвлекшись отъ всего чувственнаго, всецѣло погружается въ созерцаніе высочайшихъ истинъ. Счастливы тѣ, которые хотя бы такимъ образомъ на мгновеніе узрятъ безсмертное *я*, живущее въ нихъ. Что же касается до высшихъ духовныхъ сферъ, то законъ эволюціи не позволяетъ подняться до нихъ никому, кромѣ посвященныхъ. Человѣчество проникнетъ и въ эти сферы черезъ многія тысячи лѣтъ, въ настоящее же время говорить о нихъ излишне.

Каждая изъ этихъ сферъ населена соотвѣтствующими ей живыми существами, каждой присущи извѣстные, свойственныя лишь ей, явленія и законы, и каждую можно изучать совершенно такъ же научно, пользуясь опытнымъ методомъ, какъ и грубо-матеріальную сферу, съ которой мы наиболѣе знакомы; для этого необходимо лишь умѣть пользоваться соотвѣтствующими органами чувствъ и соотвѣтствующими методами изслѣдованія. Въ объективной *) сферѣ мы уже научились слѣдовать этимъ правиламъ; мы не станемъ пользоваться глазами, чтобы слышать звуки, и не станемъ отрицать существованія этихъ звуковъ на томъ основаніи, что глаза не слышатъ ихъ; мы не возьмемъ микроскопа, чтобы разсматривать отдаленную туманность, и не будемъ утверждать, что туманность эта не существуетъ, потому что ее нельзя видѣть въ микроскопъ. Достаточно имѣть хотя бы поверхностное знакомство съ нашимъ грубо-матеріальнымъ міромъ, чтобы стать на правильную точку зрѣнія по отношенію къ міру невидимому. Отчего мы видимъ, слышимъ, имѣемъ ощущенія вкусовыя и осязательныя? Исключительно потому, что наше физическое тѣло способно получать извѣстныя впечатлѣнія извнѣ посредствомъ нашихъ органовъ чувствъ. Но есть безчисленное множество явленій, столь же „реальныхъ“, какъ и тѣ, которыя прекрасно знакомы намъ—явленій, не существующихъ для насъ по той простой причинѣ, что наши органы чувствъ не приспособлены къ тому, чтобы воспринимать ихъ. Возьмите, напримѣръ, колебанія воздуха, выраженіе которыхъ въ терминахъ сознанія мы называемъ звукомъ. Если въ присутствіи нѣсколькихъ—скажемъ 10 или 12 человѣкъ—мы будемъ извлекать изъ какого-нибудь музыкальнаго инструмента рядъ послѣдовательныхъ, все повышающихся звуковъ, мы убѣдимся, что по мѣрѣ того, какъ

*) Т. е. грубо-матеріальной. *Перев.*

звуки становятся все болѣе и болѣе высокими, слушатели, одинъ за другимъ, будутъ переставать воспринимать ихъ, и для нѣкоторыхъ изъ нихъ молчаніе наступитъ тогда, когда другіе еще будутъ ясно слышать звуки, издаваемые инструментомъ, пока, наконецъ, не будетъ достигнута такая нота, которую уже никто не можетъ слышать. Тогда, несмотря на то, что весь воздухъ въ комнатѣ наполненъ вибраціями, въ нéй для всѣхъ воцарится полное молчаніе. Колебанія воздуха сдѣлались такими быстрыми и короткими, что механизмъ человѣческаго уха неспособенъ вибрировать съ ними въ унисонъ; объективная сторона явленія налицо, но она не вызываетъ соотвѣтствующаго субъективнаго измѣненія въ сознаніи человѣка, и потому явленіе это для него не существуетъ. Подобные же примѣры можно бы привести по отношенію къ каждому изъ нашихъ чувствъ. Итакъ, оказывается, что въ той сферѣ, къ функціонированію въ которой приспособлено наше тѣло, отъ насъ постоянно ускользаетъ множество явленій вслѣдствіе недостаточной изощренности нашихъ органовъ чувствъ; поэтому нельзя сказать, что мы переступаемъ предѣлы допустимаго, когда мы заявляемъ, что людямъ не слѣдовало бы рѣшительно отрицать существованіе другихъ сферъ сознанія на томъ лишь основаніи, что они ничего не знаютъ о нихъ. Незнаніе даетъ лишь право молчать, уклоняться отъ высказыванія какого бы то ни было сужденія; оно не даетъ права отрицать что-либо. Неоспоримо, что знаніе есть необходимая основа разумной вѣры, но слѣдуетъ помнить, что могущія быть провѣренными утвержденія лицъ, заявляющихъ притязаніе на извѣстныя знанія, несомнѣнно, заслуживаютъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ отрицаніе, основанное исключительно на незнаніи. Здѣсь, какъ и въ прочихъ отрасляхъ знанія, слѣдуетъ заняться изслѣдованіемъ предмета, прежде чѣмъ составлять себѣ опредѣленное мнѣніе объ немъ, и тѣ, кто пожелали бы понять и изслѣдовать экспериментально область оккультнаго въ природѣ, должны вооружиться терпѣніемъ и мужествомъ и путемъ долгой, постоянной работы сдѣлаться оккультистами. Только мнѣніе лицъ освѣдомленныхъ можетъ имѣть вѣсъ при обсужденіи любого вопроса, и въ оккультной наукѣ, какъ и во всякой другой, пустая болтовня и брань несвѣдущихъ критиковъ не принимаются во вниманіе. Оккультистъ придаетъ имъ не больше значенія, чѣмъ проф. Гёксли утвержденіямъ недоучившагося школьника. Тѣ, которые обладаютъ достаточнымъ временемъ, способностями и мужествомъ, могутъ развить въ себѣ органы чувствъ и способности, позволяющія сознанію прійти въ

соприкосновеніе съ высшими сферами: чувства эти и способности уже вполнѣ развиты и правильно функціонируютъ у нѣкоторыхъ людей, а съ теченіемъ вѣковъ они сдѣлаются общимъ достояніемъ всего человѣчества. Всѣ такъ-называемыя чудесныя явленія, приписываемыя Е. П. Блаватской, о которыхъ было такъ много разговора, были просто слѣдствіемъ ея высоко-развитой натуры; для нея управлять силами, дѣйствующими въ матеріальной сферѣ, было такъ же просто и естественно, какъ легко электротехнику, пользуясь своими научными знаніями, достигать такихъ результатовъ, которые показались бы совершенно чудесными африканскому дикарю. Эти „чудесныя“ явленія были лишь искрами, сыпавшимися отъ того внутренняго огня, который постоянно горѣлъ въ ней, и ей было такъ же трудно подавить эти внѣшнія проявленія своихъ духовныхъ силъ, какъ трудно намъ приспособиться къ условіямъ жизни, существующимъ въ цивилизаціи гораздо низшей, чѣмъ наша. Я знаю, что знакомство съ этими сверхнормальными способностями возбуждаетъ во многихъ, убѣдившихся въ ихъ существованіи, страстное желаніе обладать ими, но достигнутъ этого лишь тѣ, которые согласны заплатить за нихъ ихъ цѣну. И первой же уплатой, которую имъ придется при этомъ сдѣлать, будетъ полное отреченіе отъ всего того, что такъ цѣнятъ и къ чему такъ стремятся люди. Полное самоотреченіе; посвященіе себя всецѣло служенію благу другихъ; покореніе всѣхъ личныхъ желаній; достиженіе совершеннаго равнодушія ко всему земному—таковъ *первый* шагъ по пути бѣлой магіи, и, пока не будетъ сдѣланъ этотъ шагъ, безполезно говорить о дальнѣйшихъ этапахъ этого тернистаго пути. Оккультистъ не носитъ иного вѣнца, кромѣ терноваго, а скипетръ его есть жезлъ о семи узлахъ, изъ которыхъ каждый говоритъ объ уплатѣ такой цѣны, при упоминаніи о которой съ ужасомъ отвернулся бы всякій средній человѣкъ, будь то мужчина или женщина. Потому-то и безполезно говорить здѣсь подробнѣе объ этой сторонѣ Теософіи. Наша задача въ настоящій моментъ сводится лишь къ тому, чтобы выяснить въ общихъ чертахъ теософическое ученіе объ эволюціи, ученіе о „странствованіи“ нашего̀ *я*, нашей истинной индивидуальности, заключенной во внѣшнюю оболочку нашей личности.

Эволюція человѣка состоитъ въ томъ, что его *я* пріобрѣтаетъ опытъ, и что физическая природа его постепенно перерабатывается въ форму, которая способна съ легкостью отвѣчать всякому импульсу, исходящему отъ духа, живущаго въ ней. Эволюція эта происходитъ путемъ повторныхъ воплощеній нашего *я*,

осѣняемаго духомъ, *) въ цѣломъ рядѣ личностей, чрезъ посредство которыхъ оно живетъ и дѣйствуетъ въ объективной сферѣ. Въ настоящемъ эволюціонномъ циклѣ задача, лежащая передъ нашимъ *я*, когда оно вступаетъ въ кругъ своихъ воплощеній на землѣ, состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти и ассимилировать всевозможный опытъ и такъ развить энергію, дѣйствующую въ нашемъ тѣлѣ, и сдѣлать нашъ организмъ такимъ утонченнымъ, чтобы онъ сдѣлался достойнымъ орудіемъ и жилищемъ обитающаго въ немъ духа; конечная же цѣль длиннаго и исполненнаго страданій странствованія нашего *я* есть совершенное сліяніе его съ духомъ. Очевидно, что эта задача не можетъ быть выполнена въ теченіе одной или немногихъ жизней. Для этого требуется безчисленное множество жизней, изъ которыхъ каждая представляетъ лишь одинъ шагъ на длинномъ пути къ совершенству. Каждая жизнь должна служить для пріобрѣтенія новаго опыта, должна прибавить какую-нибудь новую способность къ числу уже имѣющихся, развить какую-нибудь силу, существующую лишь въ зачаточномъ состояніи; такимъ образомъ въ теченіе безчисленнаго ряда поколѣній создается совершенный человѣкъ. Потому-то ученіе о перевоплощеніи есть самое зерно и сущность Теософіи, и въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ проникнется имъ, онъ будетъ въ состояніи усвоить и другія истины Теософіи.

Нѣтъ другой философской доктрины, которая проливала бы такой яркій свѣтъ на путаницу, царящую на первый взглядъ въ человѣческой жизни. Взять хотя бы громадную разницу въ способностяхъ и характерѣ людей. Отличительные признаки всѣхъ растеній и животныхъ, принадлежащихъ къ одному и тому же виду, варьируютъ, но лишь въ извѣстныхъ, сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ; то же наблюдается и у человѣка въ отношеніи его внѣшняго облика, инстинктовъ и животныхъ страстей. Существуютъ, конечно, варьяціи, точно такъ же, какъ и у животныхъ, однако, въ общихъ чертахъ всѣ эти признаки болѣе или менѣе постоянны. Но когда начинаешь изучать людей со стороны ихъ умственныхъ способностей и нравственнаго характера, то поражаешься громадными различіями, существующими между ними. Какая бездна отдѣляетъ дикаря, умѣющаго считать лишь до пяти по пальцамъ,

*) Двумя высшими духовными началами (Атма и Будди индусовъ); начала эти сверхъиндивидуальны, тогда какъ *я*, о которомъ здѣсь говорится, есть наша истинная индивидуальность —центръ самосознанія, сохраняющій въ себѣ опытъ цѣлаго ряда личностей, служащихъ его временными выраженіями.

Перев.

отъ Ньютона, вычисляющаго движенія планеты и предсказывающаго ея путь! А какова разница въ характерѣ между варваромъ, радостно пляшущимъ вокругъ окровавленнаго тѣла своего врага, котораго онъ заживо терзаетъ и мучитъ, и между Говардомъ, отдающимъ свою жизнь, чтобы спасать своихъ падшихъ собратьевъ и помогать имъ! И здѣсь еще не приняты въ расчетъ тѣ, живущіе и въ настоящее время люди, которые настолько же выше Ньютоновъ и Говардовъ, насколько послѣдніе выше наименѣе развитыхъ представителей человѣческаго рода. Откуда такая громадная разница, которой нѣтъ ничего подобнаго среди другихъ организмовъ, населяющихъ земной шаръ? Отчего лишь среди людей наблюдается такое разнообразіе? Теософія въ отвѣтъ на этотъ вопросъ указываетъ на перевоплощеніе человѣческой индивидуальности и въ большемъ или меньшемъ опытѣ, пріобрѣтенномъ перевоплощающимся *я*, видитъ объясненіе различій въ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ людей. Въ мало развитой части человѣчества воплощаются души, стоящія, такъ сказать, еще на „дѣтской" ступени развитія, какъ выражалась Е. П. Блаватская, указывая тѣмъ самымъ на недостаточность опыта, пріобрѣтеннаго ими, какъ человѣческими индивидуальностями; тѣ же души, которыя воплощаются въ болѣе развитыхъ расахъ, уже пріобрѣли богатый опытъ въ своихъ прошлыхъ существованіяхъ и потому способны развиваться болѣе быстро.

Человѣческое *я*, окончивъ свое земное странствованіе и сбросивъ тѣлесную оболочку той личности, которую оно одушевляло, переходитъ въ субъективное состояніе покоя, прежде чѣмъ снова принять на себя „бремя плоти". Въ этомъ состояніи оно остается въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго періода времени, смотря по той степени развитія, которой оно достигло. Когда періодъ этотъ придетъ къ концу, оно снова возвращается къ земной жизни въ такой именно средѣ, которая наиболѣе приспособлена для того, чтобы возрастить сѣмена, посѣянныя данной индивидуальностью въ прошломъ. Какъ водородъ и кислородъ неизбѣжно стремятся соединиться при извѣстныхъ условіяхъ температуры и давленія, такъ и человѣческое *я* въ силу непреодолимаго сродства влечется къ той именно обстановкѣ, которая наиболѣе способствуетъ его дальнѣйшей эволюціи. Подходящая среда, родители, могущіе снабдить данную индивидуальность подходящимъ физическимъ организмомъ—таковы нѣкоторыя изъ условій, опредѣляющихъ мѣсто и время новаго воплощенія. Желаніе чувственной жизни, желаніе найти себѣ объективное выраженіе, то самое желаніе, которое

является созидающимъ началомъ вселенной, заставляетъ наше *я* снова искать себѣ проявленія; наше *я* привлекается къ той средѣ, которую его собственное прошлое сдѣлало необходимой для его дальнѣйшаго развитія. Но это не все. Мы уже упоминали о томъ, что каждая сфера вселенной населена особыми организмами, каждой присущи свои особенности; такъ умственная сфера характеризуется тѣмъ, что въ ней всякая мысль выражается въ объективной формѣ, видимой для всѣхъ, могущихъ воспринимать явленія этой сферы. Весь пріобрѣтенный въ теченіе жизни опытъ послѣ смерти какъ бы концентрируется, изъ него извлекается вся сущность, и эта сущность его имѣетъ соотвѣтствующее выраженіе въ мысленныхъ формахъ (Shonght forms), существующихъ въ умственной сферѣ; когда приближается время новаго воплощенія, эти мысленныя формы вмѣстѣ съ подобными же прежними формами, еще не утратившими всю присущую имъ энергію, переходятъ въ астральную сферу, облекаются астральной матеріей и придаютъ астральному тѣлу форму, позволяющую имъ найти себѣ объективное выраженіе, перейти въ дѣйствіе. Затѣмъ начинается формированіе эѳирной матеріи въ соотвѣтственную форму, и, наконецъ, въ этой послѣдней начинаетъ постепенно образовываться грубо-физическій организмъ. Итакъ, эѳирное тѣло, сформированное астральнымъ, само въ свою очередь формируетъ грубо-физическое тѣло. Перевоплотившееся *я* въ теченіе своей новой земной жизни будетъ проявлять себя чрезъ посредство этого физическаго организма и его мозга; оно обитаетъ такимъ образомъ въ физической оболочкѣ, созданной имъ же самимъ и являющейся неизбѣжнымъ результатомъ его предыдущихъ земныхъ жизней.

На сколько неразрѣшимыхъ на первый взглядъ вопросовъ, надъ которыми бьются современные мыслители, проливается новый свѣтъ, если признать перевоплощеніе хотя бы лишь возможной гипотезой. Упомянемъ нѣсколько подобныхъ затруднительныхъ проблемъ. Какъ часто среди членовъ одной и той же семьи, рядомъ съ физическимъ сходствомъ, объясняемымъ наслѣдственностью, мы находимъ замѣчательную разницу въ умственныхъ и нравственныхъ наклонностяхъ. Близнецы, у которыхъ условія наслѣдственности и жизни до рожденія тождественны, иногда представляютъ замѣчательное сходство, иногда же, наоборотъ, сильно отличаются другъ отъ друга. Случаи преждевременнаго развитія, когда дѣти проявляютъ замѣчательныя способности въ извѣстномъ направленіи, еще прежде первыхъ попытокъ со стороны родителей развить въ нихъ эти способности. Случаи необычайно быстраго

усвоенія знаній, при чемъ предметъ, повидимому, скорѣе припоминается, чѣмъ изучается, какъ нѣчто новое. Случаи проявленія интуитивныхъ способностей, позволяющихъ съ удивительной быстротой и ясностью вникнуть въ самыя запутанныя проблемы, безъ чьей бы то ни было помощи или руководства. На всѣ эти и многія столь же загадочныя явленія проливается новый свѣтъ, если признать идею существованія неуничтожимой индивидуальности, проявляющейся въ цѣломъ рядѣ личностей. А согласно общеизвѣстному принципу, при попыткахъ найти общій законъ, лежащій въ основѣ многихъ, на первый взглядъ ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ, явленій, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе, какъ наиболѣе полезной, той гипотезѣ, которая объясняетъ и позволяетъ согласовать и систематизировать наибольшее количество фактовъ.

Тѣмъ, кто съ ужасомъ отворачивается отъ невольно навязывающейся имъ мысли, что вселенная есть гигантское воплощеніе несправедливости, ученіе о перевоплощеніи также приходитъ на помощь и освобождаетъ ихъ отъ невыносимыхъ страданій. Когда мы видимъ любознательный умъ, заключенный въ тѣсныя рамки плохого физическаго организма; когда мы наблюдаемъ рѣзкую разницу въ умственныхъ способностяхъ и нравственныхъ наклонностяхъ людей, благодаря чему однимъ дается чрезвычайно легко то, что совершенно недоступно другимъ; когда мы встрѣчаемся съ фактами страданій, повидимому ничѣмъ не заслуженныхъ, съ людьми, поставленными несправедливой, какъ намъ кажется, судьбой въ самыя неблагопріятныя условія; когда мы чувствуемъ стремленіе къ высотамъ, не досягаемымъ для насъ въ виду слабости нашихъ силъ, тогда знаніе того, что мы сами создаемъ свой характеръ, что мы сами причина своей силы или слѣпого рока, и что мы въ подлинномъ смыслѣ этого слова создатели самихъ себя и своей судьбы—знаніе это поддерживаетъ насъ и вдохновляетъ, даетъ энергію совершенствоваться и мужество переносить страданія.

Непреложный законъ причинности извѣстенъ въ Теософіи подъ именемъ Кармы (Karma—дѣйствіе). Всякое дѣйствіе—употребляемъ это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, подразумѣвая всякую дѣятельность умственную, нравственную и физическую—является причиной и должно произвести всѣ вытекающія изъ него послѣдствія. Будучи само слѣдствіемъ по отношенію къ прошедшему, всякое дѣйствіе становится, въ свою очередь, причиной будущаго. Этому закону Кармы подчинена вся жизнь, какъ каждаго

человѣка, такъ и всѣхъ міровъ. Всякій долгъ, сдѣланный нами, долженъ быть уплаченъ сполна въ этой или въ какой-либо другой жизни; колесо жизни, вращаясь, приноситъ плоды всѣхъ сѣмянъ, посѣянныхъ нами. Перевоплощеніе, обусловленное закономъ Кармы, — таково ученіе, предлагаемое Теософіей христіанскому міру, уповающему на искупленіе чужими страданіями и на немедленное перенесеніе въ рай душъ умершихъ; перевоплощеніе при условіяхъ, опредѣляемыхъ закономъ Кармы, пока мы не пожнемъ плодовъ всего пережитаго нами опыта, пока не будетъ исправлена всякая ошибка, искорененъ всякій недостатокъ, пока не достигнуто безконечное состраданіе, не пріобрѣтена несокрушимая сила и вмѣстѣ съ тѣмъ идеальная нѣжность души, пока самоотверженіе не сдѣлается закономъ жизни и отреченіе отъ личнаго блага ради другихъ не станетъ естественнымъ и радостнымъ импульсомъ всего нашего существа.

Но, спросятъ насъ, какъ вы можете призывать къ усиліямъ или настаивать на нравственной отвѣтственности, если вы смотрите на всякое дѣйствіе какъ на звено въ безпрерывной цѣпи причинъ и дѣйствій? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ сложности человѣческаго существа, состоящаго изъ семи началъ, въ дѣйствіи высшихъ началъ на низшія. Свободная воля человѣка коренится въ высшемъ духовномъ началѣ. Абсолютной свободы воли нѣтъ, или, иначе говоря, она существуетъ лишь въ непроявленномъ. Лишь только міровая воля вступаетъ въ сферу проявленія, она оказывается связанной и ограниченной законами собственнаго проявленія, тѣмъ родомъ выраженія, который она временно избрала. Она ограничена условіями, которымъ добровольно подчинилась, проявляясь подъ видомъ той вселенной, въ которой она пожелала воплотиться. Въ каждой сферѣ выраженіе ея ограничено способностями существъ, являющихся ея воплощеніями. Духовное начало человѣка въ своей сферѣ есть отраженіе, образъ міровой воли, проявляющейся во вселенной. Съ точки зрѣнія человѣческой личности импульсы, исходящіе изъ духовной сферы, оказываются произвольными, имѣющими всѣ признаки свободы, и если мы начнемъ разсмотрѣніе этого вопроса съ низшей сферы, объективной природы, намъ станетъ понятнымъ, какимъ образомъ возможна такая относительная свобода. Если человѣкъ закованъ въ кандалы, свобода его мускульныхъ движеній ограничена. Мышцы его стѣснены тяжестью желѣза, давящаго на нихъ, но мускульная сила существуетъ, хотя она и не можетъ найти внѣшняго проявленія, и желѣзные кандалы не могутъ помѣшать мускуламъ со-

противляться силѣ, приложенной для стѣсненія ихъ движеній. Далѣе, извѣстно, что сильная эмоція, могущественный импульсъ, исходящій изъ астральной сферы, можетъ удерживать мускулы въ напряженномъ состояніи, несмотря на порѣзъ, который, помимо этого импульса, заставилъ бы всякое мышечное волокно рефлекторно сокращаться и отдергивать пораненный членъ отъ рѣжущаго его ножа. Мускулы должны подчиняться импульсу, исходящему изъ сферы, высшей чѣмъ физическая; личная воля человѣка свободна либо сдерживать ихъ въ напряженномъ состояніи, либо позволить имъ отвѣтить естественнымъ рефлексомъ на причиняемыя имъ пораненія. Съ точки зрѣнія мускуловъ личная воля человѣка свободна; она не можетъ быть контролируема, а можетъ быть стѣснено лишь ея матеріальное проявленіе въ физической сферѣ. Когда разумное начало человѣка посылаетъ импульсъ низшей страстной природѣ его, съ которой оно связано, то возникаетъ борьба между животными желаніями и разумной волей человѣка. Вмѣшательство этой воли кажется животной личности человѣка произвольнымъ, свободнымъ, не вызваннымъ никакими причинами, дѣйствующими въ низшей сферѣ; такъ оно есть на самомъ дѣлѣ, такъ какъ импульсъ, вліяющій на животную природу человѣка, исходитъ въ данномъ случаѣ изъ высшей, а не изъ низшей сферы. Животныя страсти и желанія могутъ ограничить проявленіе этой силы высшаго порядка въ собственной сферѣ, но они не могутъ ни вызвать ее къ дѣйствію, ни прекратить ея дѣятельности. Истинная свобода обрѣтается человѣкомъ тогда, когда его низшая природа покоряется высшей и не мѣшаетъ свободному проявленію духовной воли его истиннаго *я*. Тотъ же принципъ приложимъ и къ этому разумному *я* человѣка; имѣя возможность воздѣйствовать такъ или иначе на низшую природу, оно въ свою очередь находитъ истинную свободу, лишь становясь проводникомъ воли духовнаго начала, проявленіемъ котораго оно является, а свобода этого духовнаго начала состоитъ въ сознательномъ и добровольномъ подчиненіи тому всеединому цѣлому, частицу котораго она составляетъ. Слѣдствіе неизбѣжно слѣдуетъ за производящей его причиной, но слѣдствіе это въ свою очередь становится причиной, и здѣсь-то открывается возможность для воздѣйствія воли. Возьмемъ хотя бы случай человѣка, сраженнаго тяжкимъ горемъ. Въ данномъ случаѣ слѣдствіе—горе—есть совершившійся фактъ, оно неустранимо. Но если мы будемъ разсматривать его какъ причину, то увидимъ, что будущія послѣдствія этого горя могутъ быть двояки. Низшая эмоціональная природа человѣка можетъ

возмутиться противъ существующаго факта, всѣ его личныя желанія могутъ страстно протестовать, возставать противъ высшей воли, и тогда въ результатѣ явится новая причина, которая будетъ дисгармонична и въ будущемъ принесетъ дурные плоды. Но возможенъ и другой исходъ: низшая страстная природа человѣка можетъ покорно подчиниться дѣйствію Кармы; человѣкъ можетъ терпѣливо перенести горе, приведя свои личныя желанія въ гармонію съ высшей волей, и при такихъ условіяхъ то же слѣдствіе, ставъ причиной, принесетъ въ будущемъ добрые плоды.

Остается сказать въ заключеніе лишь нѣсколько словъ о воплощеніи въ жизнь теософическаго ученія, т. е. о всемірномъ братствѣ людей. Всемірное братство является неизбѣжнымъ выводомъ изъ ученія о единомъ Міровомъ Духѣ, общемъ источникѣ всего человѣчества, и изъ доктрины перевоплощенія и Кармы. Всѣ различія—расовыя, пола, классовыя и религіозныя—исчезаютъ при свѣтѣ ученія о существенномъ единствѣ духа, живущаго во всѣхъ людяхъ, о безчисленныхъ воплощеніяхъ во всевозможныхъ формахъ, причемъ каждому, для пріобрѣтенія всего необходимаго опыта, приходится побывать и въ роли принца и въ роли нищаго. Эти воззрѣнія должны сдѣлать любовь къ человѣчеству основнымъ мотивомъ дѣятельности. Истинный теософъ въ каждомъ сынѣ человѣческомъ видитъ брата, которому онъ долженъ оказывать любовь и помощь, и Теософическое Общество есть попытка создать ядро всемірнаго братства человѣчества, сдѣланная теософами подъ руководствомъ ихъ Учителей. Признаніе братства всѣхъ людей есть единственное обязательное условіе для тѣхъ, кто желаетъ сдѣлаться членами общества. Среди классовой ненависти и враждующихъ сектъ Теософія поднимаетъ знамя любви, которое постоянно должно напоминать людямъ, что всѣ они едины по существу, и что цѣль, къ которой мы идемъ, одна и та же для всѣхъ. Безъ такого признанія братства всѣхъ людей всякая религія становится лицемѣрнымъ ханжествомъ. Глубже всѣхъ различій, могущественнѣе всякой вражды святой духъ любви. Истинное *я* каждаго изъ насъ есть въ то же время и коллективное высшее *я* всѣхъ насъ, и эта связь между нами такова, что ничто въ мірѣ не можетъ порвать ее. То, что возвышаетъ одного, возвышаетъ всѣхъ; тотъ, кто унижаетъ свое человѣческое достоинство, тѣмъ самымъ понижаетъ общій уровень всѣхъ. Грѣхи и преступленія человѣчества суть наши грѣхи и преступленія, и, лишь спасая нашихъ братьевъ, мы можемъ спасти себя. Мы были едины въ началѣ, будемъ едины въ концѣ, и потому необходимо должны

быть связаны во едино и въ теченіе процесса нашего развитія. Мы должны снять „проклятіе обособленности“, тяготѣющее надъ нами, и Теософія, какъ философское и религіозное ученіе, не окажется мертворожденной попыткой лишь въ томъ случаѣ, если она воплотится въ жизни, исполненной любви.

Пер. *Д. Странденъ.*

ИНДУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

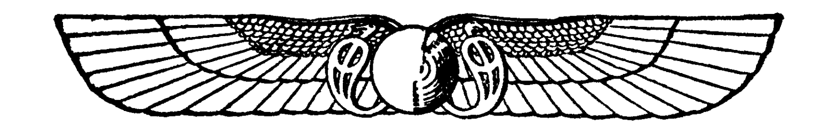
Повозка не можетъ катиться на одномъ колесѣ; такъ и судьба человѣка не удается, если его дѣла не помогаютъ ей.

* * *

Изъ дара, получаемаго или даваемаго, изъ поступка, имѣющагося совершиться, время выпиваетъ весь его ароматъ, если замедляется совершеніе его.

* * *

Когда слабоумный богачъ лишается богатства, его дѣйствія изсякаютъ какъ ручейки, изсыхающіе въ жаркое время года.

Древняя Мудрость.

(Очеркъ теософическихъ ученій).

А. Безантъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Основное единство всѣхъ религій.

Чтобы хорошо жить, нужно хорошо мыслить, и Божественная Мудрость—назовемъ ли мы ее древнимъ санскритскимъ именемъ Brahma-Vidyâ, или болѣе современнымъ греческимъ именемъ Теософія—является именно тѣмъ широкимъ міровоззрѣніемъ, которое способно удовлетворить разумъ какъ философія и въ то же время дать міру всеобъемлющую религію и этику. Нѣкогда было сказано по поводу христіанскихъ священныхъ писаній, что они содержатъ въ себѣ и такія всѣмъ доступныя мѣста, которыя ребенокъ могъ бы перейти въ бродъ, и такія глубины, переплыть которыя по силамъ только гиганту.

Подобное же опредѣленіе можно сдѣлать и относительно Теософіи, ибо нѣкоторыя изъ ея ученій до того просты и приложимы къ жизни, что любой человѣкъ со среднимъ развитіемъ можетъ и понять ихъ и провести ихъ въ своемъ поведеніи, тогда какъ въ другихъ таится такая глубина, что самый подготовленный умъ долженъ напрягать всѣ силы, чтобы овладѣть ими.

Въ этой книгѣ будетъ сдѣлана попытка изложить передъ читателемъ основы Теософіи такимъ образомъ, чтобы выяснились ея главные принципы и истины, выражающіе собой стройное представленіе о вселенной, а затѣмъ дать такія подробности, которыя облегчили бы пониманіе этихъ принциповъ и истинъ и ихъ взаимоотношеній. Элементарное пособіе не можетъ и претендовать дать читателю всю полноту знанія, но оно должно дать ему ясныя основныя понятія, которыя въ его волѣ будетъ расширить современемъ. Очеркъ, заключенный въ этой книгѣ, дастъ всѣ основныя линіи, чтобы при дальнѣйшемъ изученіи оставалось лишь заполнить ихъ подробностями, необходимыми для всесторонняго знанія.

Давно уже замѣчено, что великія міровыя религіи имѣютъ много общихъ религіозныхъ, этическихъ и философскихъ идей. Но тогда какъ самый фактъ получилъ общее признаніе, причина его вызываетъ не мало разногласій. Нѣкоторые ученые признаютъ, что религіи выросли на почвѣ человѣческаго невѣжества, вызванныя воображеніемъ дикаря, и лишь постепенно переработались изъ грубыхъ формъ анимизма и фетишизма; ихъ сходство приписывается примитивнымъ наблюденіямъ надъ одними и тѣми же явленіями природы, произвольно объясненными, при чемъ поклоненіе солнцу и звѣздамъ является общимъ ключомъ для одной школы мысли, а фаллическое поклоненіе такимъ же общимъ ключомъ для другой школы. Страхъ, желаніе, невѣжество и удивленіе приводили дикаря къ олицетворенію силъ природы, а жрецы пользовались его страхами и надеждами, его туманными фантазіями и его недоумѣніемъ. Миѳы преображались постепенно въ священныя писанія, а символы—въ факты, и такъ какъ ихъ основы были вездѣ однѣ и тѣ же, то и сходство дѣлалось неизбѣжнымъ. Такъ говорятъ изслѣдователи „Сравнительной Миѳологіи", а простые люди хотя и не убѣждаются, но замолкаютъ подъ градомъ доказательствъ; они не могутъ отрицать сходства, но въ то же время чувство ихъ протестуетъ: неужели самыя дорогія надежды и высочайшія стремленія—ни что иное, какъ результатъ представленій дикаря и его безпросвѣтнаго невѣжества? И возможно ли, чтобы великіе руководители человѣческихъ расъ, мученики и герои жили, боролись и умирали лишь потому, что были введены въ обманъ? неужели они страдали изъ-за простого олицетворенія астрономическихъ фактовъ или изъ-за плохо замаскированныхъ непристойностей варваровъ?

Другое объясненіе общихъ чертъ въ міровыхъ религіяхъ утверждаетъ существованіе единаго первоначальнаго ученія, охраняемаго Братствомъ великихъ духовныхъ учителей, происхожденіе которыхъ относится къ иной, болѣе ранней эволюціи. Учителя эти дѣйствовали какъ воспитатели и руководители юнаго человѣчества нашей планеты и передавали различнымъ расамъ и народамъ по очередно основныя религіозныя истины въ формѣ наиболѣе подходящей для тѣхъ народовъ, которые воспринимали эти истины. Основатели великихъ религій были членами единаго Братства, а помощниками ихъ въ этой великой миссіи были Посвященные и ученики различныхъ степеней, отличавшіеся прозрѣніемъ, философскими знаніями или же высокой чистотой жизни. Они направляли дѣятельность младенческихъ народовъ, устанавливали ихъ

образъ правленія, издавали для нихъ законы, управляли ими въ качествѣ королей, обучали ихъ какъ учителя, руководили ими какъ священики; всѣ народы древности почитали этихъ великихъ существъ, полубоговъ и героевъ, оставившихъ свои слѣды въ литературѣ, архитектурѣ и законодательствѣ.

Что такіе представители человѣчества дѣйствительно жили, это трудно отрицать въ виду всемірнаго преданія и древнихъ писаній, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней, и въ виду многочисленныхъ развалинъ и другихъ безмолвныхъ свидѣтелей, не имѣющихъ цѣны лишь въ глазахъ невѣжественнаго человѣка. Священныя книги Востока — лучшій показатель величія тѣхъ, кто составлялъ эти книги, ибо кто былъ способенъ въ позднѣйшія времена хотя бы приблизительно подняться до духовной высоты ихъ религіозной мысли, до озаряющаго свѣта ихъ философіи, до ширины и чистоты ихъ этическихъ ученій? И когда мы находимъ, что эти священныя книги содержатъ въ себѣ ученія о Богѣ, о человѣкѣ и о вселенной, которыя всѣ тождественны по существу, хотя и рознятся по внѣшнимъ формамъ, неизбѣжнымъ выводомъ отсюда является происхожденіе всѣхъ этихъ ученій изъ единаго источника. Этому единому источнику мы даемъ имя Божественной Мудрости, въ греческомъ переводѣ *Теософіи*. Какъ происхожденіе и основа всѣхъ религій, она не можетъ быть враждебна ни одной религіи. Она лишь очищаетъ ихъ, раскрывая цѣнное внутреннее значеніе многаго, что утеряло свой первоначальный истинный видъ вслѣдствіе невѣжественнаго извращенія и благодаря наноснымъ суевѣріямъ. Но Теософія пребываетъ во всѣхъ религіяхъ и въ каждой стремится раскрыть заключенную въ ней мудрость. Чтобы стать теософомъ, не нужно отказываться отъ своей религіи. Необходимо лишь болѣе глубоко проникнуть въ суть своей собственной вѣры, тверже овладѣть ея духовными истинами и съ болѣе широкимъ кругозоромъ подойти къ ея священнымъ ученіямъ. Въ древности Теософія вызвала религіи къ жизни, въ наши времена она же должна оправдать и защитить ихъ. Она и есть та скала, изъ которой всѣ міровыя религіи были высѣчены, тотъ родникъ, изъ котораго всѣ онѣ вытекали. Передъ трибуналомъ критики разума она оправдываетъ глубочайшія стремленія и благороднѣйшія эмоціи человѣческаго сердца; она утверждаетъ наши надежды на будущее и возвращаетъ намъ, облагороженною, нашу вѣру въ Бога. Истина всего сказаннаго становится же болѣе очевидной по мѣрѣ того, какъ мы изучаемъ различныя Священныя Писанія. Достаточно взять нѣсколько выдержекъ изъ богатаго матеріала, доступнаго

намъ, чтобы установить этотъ фактъ и направить изучающаго этотъ вопросъ въ его поискахъ за дальнѣйшими доказательствами. Главныя духовныя истины могутъ быть сведены къ слѣдующему:

I. Единое, Вѣчное, Непознаваемое, Реальное Бытье.

II. Изъ Него *)—проявленный Богъ, раскрывающійся изъ единства въ двойственность, изъ двойственности въ Троицу.

III. Изъ проявленной Троицы происходятъ духовныя разумныя Сущности, руководящія порядкомъ Космоса.

IV. Человѣкъ есть отраженіе проявленнаго Бога и потому въ основѣ своей троиченъ; его истинное и реальное Я вѣчно и едино съ Я вселенной.

V. Эволюція человѣка совершается путемъ многочисленныхъ воплощеній; къ воплощенію его тянутъ желанія, освобождается же онъ отъ необходимости воплощенія путемъ знанія и самопожертвованія, становясь божественнымъ въ дѣятельной силѣ, какъ онъ былъ всегда божественъ въ скрытомъ состояніи.

Китай съ его окаменѣлой цивилизаціей былъ населенъ въ древности Туранцами, четвертой подрасой коренной Четвертой расы, той расы, которая обитала въ погибшей Атлантидѣ и распространила свои отпрыски по всему міру. Монголы, седьмая и послѣдняя подраса той же коренной расы, присоединились позднѣе къ Туранцамъ, которые заселили Китай; такимъ образомъ, мы имѣемъ въ этой странѣ традиціи, идущія изъ глубочайшей древности, предшествовавшей водворенію пятой Арійской расы въ Индіи; въ Чингъ-Чангъ-Чингъ или „Зерцалѣ Чистоты" (Classic of Purity) мы имѣемъ отрывокъ изъ древняго Писанія своеобразной красоты, дышащей тѣмъ духомъ мира и покоя, которыми отличается „первоначальное ученіе". Г-нъ Легге, въ предисловіи къ своему переводу *) говоритъ, что этотъ трактатъ

приписывается Ko Yüan (Hsüan), Таоисту изъ династіи Wû (222—227 послѣ Р. Хр.), относительно котораго существуетъ преданіе, что онъ достигъ состоянія безсмертнаго, какъ его обыкновенно и называютъ. Онъ представляется чудотворцемъ и въ то же время невоздержаннымъ и чрезвычайно эксцентричнымъ въ своихъ проявленіяхъ. Когда ему

*) That; Индусы называютъ Первоисточникъ *То*, отказываясь придавать ему какой-либо предикатъ.

*) The sacred Books of the East, vol. XI.

однажды пришлось испытать кораблекрушеніе, онъ поднялся изъ воды въ совершенно сухихъ одеждахъ и свободно пошелъ по водяной поверхности. Подъ конецъ, онъ вознесся на небо среди бѣлаго дня.

Всѣ эти разсказы можно считать вымысломъ позднѣйшихъ временъ.

„Когда я пріобрѣлъ истинный Tâo, я повторилъ эту „Чингъ" (книгу) десять тысячъ разъ. Это то, что дѣлаютъ Духи въ Небесахъ и что никогда не сообщалось ученымъ этого низшаго міра. Я получилъ эту книгу отъ Божественнаго Правителя восточнаго Hwa; онъ получилъ ее отъ Божественнаго Правителя Золотыхъ Вратъ; онъ получилъ ее отъ Царственной Матери Запада".

„Божественный Правитель Золотыхъ Вратъ" былъ титулъ Посвященнаго, который управлялъ царствомъ Толтековъ въ Атлантидѣ, и присутствіе этого титула въ книгѣ показываетъ, что (*Classic of Purity*) „Зерцало Чистоты", было перенесено отъ Толтековъ въ Китай тогда, когда Туранцы отдѣлились отъ Толтековъ. Это предположеніе подтверждается содержаніемъ короткаго трактата, касающагося Тао, что означаетъ „Путь", имя, обозначавшее въ древней Туранской и Монгольской религіи Единую Реальность. Мы читаемъ:

„Великій Тао не имѣетъ тѣлесной формы, но онъ производитъ и питаетъ Небо и Землю. Великій Тао не имѣетъ страстей, но онъ заставляетъ вращаться солнце и луну. Великій Тао не имѣетъ имени, но онъ вызываетъ ростъ и сохраняетъ все сущее" (i, I).

Здѣсь мы имѣемъ проявившагося Бога какъ единство, но вслѣдъ за тѣмъ возникаетъ и двойственность:

„Теперь Тао (появляется въ двухъ формахъ) Чистый и Нечистый, и имѣетъ (два условія) Движенія и Покоя. Небо чистое, а земля нечистая; небо движется, а земля неподвижна. Мужское—чистое, а женское—нечистое; мужское въ движеніи, а женское неподвижно. Коренная (Чистота) спустилась, а (нечистое) изліяніе разлилось далеко и такъ всѣ вещи были произведены" (1, 2.).

Это мѣсто особенно интересно, потому что оно указываетъ на активную и воспринимающую стороны Природы, на различіе между Духомъ зарождающимъ и Матеріей питающей, идея столь часто встрѣчающаяся въ позднѣйшихъ писаніяхъ.

Въ *Tâo Teh Ching* ученіе о Непроявленномъ и Проявленномъ выражено весьма ясно:

„Тао, могущее быть попираемо, не есть вѣчный и неизмѣнный Тао. Имя, которое можетъ быть обозначено, не есть вѣчное и неизмѣнное имя. Неимѣющій имени это—Творецъ неба и земли; имѣющій имя это—Мать всѣхъ вещей.... Подъ обоими видами это во-

истину одно и то же, но, когда начинается развитіе, Оно получаетъ различныя имена. Оба вмѣстѣ называются Тайной" (i. 1, 2, 4).

Изучающіе Каббалу вспомнятъ при томъ одно изъ Божественныхъ Именъ „Сокровенная Тайна". И опять:

„Было нѣчто неопредѣленное и цѣльное, существовавшее ранѣе неба и земли. Какъ тихо оно было и безформенно и внѣ опасности (быть истощеннымъ). Можно смотрѣть на это, какъ на Мать всего сущаго. Я не знаю его имени, и я даю ему обозначеніе Тао. Дѣлая усиліе, чтобы дать ему имя, я называю его Великое. Великое, оно подвигается (въ постоянномъ теченіи). Подвигаясь, Оно удаляется. Удалившись, оно возвращается назадъ" (XXV, 1—3.).

Чрезвычайно интересна здѣсь идея выступленія и возврата Единой Жизни, такъ хорошо знакомая намъ изъ индусской литературы. Знакомымъ представляется и стихъ:

„Все подъ небесами произошло отъ Него, какъ существующее (и наименованное); существованіе это произошло отъ Него, какъ не существующее (и не поименованное)." (XI, 2.)

Для того, чтобы вселенная могла возникнуть, Непроявленный долженъ былъ произвести Единаго, отъ котораго произошли двойственность и тройственность:

„Тао произвелъ Одного; Одинъ произвелъ Двухъ; Двое произвели Трехъ; Трое произвели всѣ вещи. Всѣ вещи оставляютъ позади себя Тьму (изъ которой онѣ произошли) и выдвигаются, дабы заключиться въ Свѣтъ (въ который онѣ вступили), будучи приведены въ созвучіе Дыханіемъ Пустоты" (XLII, 1).

„Дыханіе Пространства" было бы лучшимъ выраженіемъ. Такъ какъ все произошло отъ Него, Оно существуетъ во всемъ:

„Все проникаетъ великій Тао. Онъ находится и справа и слѣва.... Онъ облекаетъ всѣ вещи какъ бы въ покровъ и не присваиваетъ себѣ господства надъ ними. Онъ можетъ именоваться и въ мельчайшихъ вещахъ. Всѣ вещи возвращаются (къ своему корню и исчезаютъ), не зная, что Онъ управляетъ ихъ возвратомъ. Онъ можетъ именоваться и въ величайшихъ вещахъ" (XXXIV, 1, 2).

Цвангъ-тзе *(Chwang-ze)*, учившій въ IV столѣтіи до Р. Хр.), въ своемъ изложеніи древнихъ ученій, ссылается на духовныя разумныя Существа, происходящія отъ Тао:

„Онъ имѣетъ и корень и причину бытія въ Самомъ Себѣ. Прежде, чѣмъ были небо и земля, древнѣе того, Онъ существовалъ въ полной безопасности. Отъ него произошло таинственное существованіе Духовъ, отъ него—-таинственное существованіе Боговъ" (Кн. VI, часть 1, секція VI, 7.)

Вслѣдъ за тѣмъ перечисляются имена этихъ духовныхъ Сущностей, но роль, которую они играютъ въ Китайской религіи, столь извѣстна, что излишне будетъ приводить цитаты, относящіяся до нихъ.

Человѣкъ разсматривается, какъ существо троичное: „Таоизмъ, говоритъ Легге, признаетъ въ человѣкѣ духъ, разумъ и тѣло. Это подраздѣленіе ясно выражено въ Classic of Purity, въ ученіи, по которому человѣкъ долженъ уничтожить въ себѣ желаніе для того, чтобы соединиться съ Единымъ.

„Духъ человѣка любитъ чистоту, но его мысль нарушаетъ ее. Душа человѣка любитъ тишину, но желанія нарушаютъ ее. Если бы онъ могъ всегда отгонять свои желанія, душа его пришла бы сама по себѣ къ тишинѣ. Пусть его мысль станетъ чистой, тогда и духъ его очистится.... Причина, по которой люди не достигаютъ чистоты, заключается въ томъ, что мысли ихъ не очищались и желанія ихъ не изгонялись прочь. Если человѣкъ въ состояніи изгнать желанія и если онъ посмотритъ послѣ того внутрь себя, въ свои мысли, онѣ уже болѣе не его; и если онъ послѣ того посмотритъ снаружи на свое тѣло, оно уже болѣе не его, а если онъ посмотритъ вдаль на внѣшнія вещи, и съ ними онъ не имѣетъ уже ничего общаго" (I, 3, 4.).

Затѣмъ, послѣ перечисленія ступеней, ведущихъ „къ состоянію полнаго покоя" ставится вопросъ:

„Въ подобномъ состояніи покоя, не зависящаго отъ мѣста, какъ можетъ возникнуть желаніе? Если же болѣе не возникаетъ желаніе, настанетъ истинный покой и тишина. Эта истинная тишина становится постояннымъ свойствомъ и отзывается (безошибочно) на внѣшнія вещи; воистину, это вѣрное и постоянное качество держитъ въ своей власти природу. Въ такомъ постоянномъ отзывѣ и въ такой постоянной тишинѣ пребываетъ постоянная тишина и покой.

Тотъ, кто владѣетъ этой абсолютной чистотой, входитъ постепенно въ (вдыханіе) Истиннаго Тао" (I, 5).

Прибавленное переводчикомъ слово „вдыханіе" скорѣе затемняетъ, чѣмъ выясняетъ смыслъ, такъ какъ „входитъ въ Тао" вполнѣ соотвѣтствуетъ всей мысли и согласуется съ другими Писаніями.

Уничтоженію желанія Таоизмъ придаетъ большое значеніе; одинъ изъ толкователей Classic of Purity замѣчаетъ, что пониманіе Тао зависитъ отъ абсолютной чистоты.

Пріобрѣтеніе такой абсолютной чистоты зависитъ вполнѣ отъ удаленія (изъ души) желаній, что и представляетъ настоятельный, практическій урокъ всего Трактата.

Тао-Тэ-Чингъ говоритъ:

Всегда находить насъ должны безъ желаній,
Если глубокую тайну Его мы измѣрить хотимъ;
Но если желанье останется въ насъ навсегда,
Лишь край Его внѣшній одинъ мы увидимъ (I, 3).

Идея перевоплощенія въ Таоизмѣ является менѣе ясной, чѣмъ можно бы ожидать, хотя встрѣчаются мѣста, изъ которыхъ видно, что главная идея принималась въ утвердительномъ смыслѣ. Такъ, Цвангъ-тзе разсказываетъ оригинальную и мудрую исторію объ умирающемъ человѣкѣ, къ которому другъ обращается со слѣдующими словами:

„Воистину великъ Создатель! Чѣмъ же Онъ теперь соизволитъ сдѣлать тебя? Куда онъ перенесетъ тебя? Сдѣлаетъ ли онъ изъ тебя крысиную печень или лапку насѣкомаго?“ Цзелаи возразилъ: „Куда бы отецъ ни послалъ сына своего: на востокъ, на западъ, на югъ или на сѣверъ, сынъ просто слушается приказанія.... И вотъ великій Литейщикъ, занятый литьемъ своего металла. И если бы металлъ, вскипѣвъ въ котлѣ, сказалъ: „Я хочу, чтобы изъ меня былъ сдѣланъ (мечъ подобный) Moysh“, великій Литейщикъ навѣрно нашелъ бы это страннымъ. И также, если бы форма, образуясь въ материнскихъ нѣдрахъ, сказала: „Я должна стать человѣкомъ“, Создатель навѣрно нашелъ бы это страннымъ. Если мы разъ поймемъ, что небо и земля великій плавильный котелъ, а Создатель великій Литейщикъ, не все ли равно, въ какое бы мѣсто не направили насъ? Мы рождаемся какъ бы изъ мирнаго сна и мы умираемъ для покойнаго пробужденія (Кн. VI, ч. I, секція VI).

Обращаясь къ Пятой Арійской расѣ, мы имѣемъ тѣ же ученія, воплощенныя въ древнѣйшей и величайшей изъ арійскихъ религій — въ Браманизмѣ. Вѣчное Бытіе провозглашается въ *Chhândogyo panishad* какъ „Одно Единое безъ второго“ и тамъ написано:

Единый захотѣлъ: умножусь вселенной ради (VI, ii, 1, 3).

Высочайшій Логосъ, Браманъ, троекратенъ: Бытіе, Сознаніе, Блаженство, и сказано:

Изъ Него *) возникаетъ жизнь, разумъ и всѣ чувства, эфиръ, воздухъ, огонь, вода и земля, поддерживающая все (Mundakopanishad ii, 3).

*) This.

Нигдѣ нѣтъ болѣе величественныхъ описаній Божества, какъ въ индусскихъ Св. Писаніяхъ, но они стали уже настолько извѣстны, что достаточно будетъ небольшой выдержки, которая можетъ служить образцомъ сверкающихъ, какъ драгоцѣнныя камни, описаній.

Проявленный близкій, движущійся въ мѣстѣ тайномъ, вѣчное Убѣжище, гдѣ пребываетъ все, что движется, дышитъ и закрываетъ очи. Знай, что поклоняться слѣдуетъ Сему Бытію и Небытію, Совершеннѣйшему, Превышающему пониманіе всѣхъ существъ, Свѣтозарный, тоньше тончайшаго, на Немъ держатся міры со всѣми своими обитателями. То предвѣчный Браманъ; Онъ же и Жизнь и Голосъ и Разумъ... Въ золотомъ, высочайшемъ покровѣ пребываетъ непорочный, недѣлимый Браманъ; то чистѣйшій Свѣтъ Свѣтовъ, познаваемый лишь тѣми, кому извѣстно Единое Я. То безсмертный Браманъ впереди, Браманъ позади, Браманъ справа и слѣва, внизу, вверху, всепроникающій: сей Браманъ воистину есть Все (Mundakopanishad II, 11, 1, 2, 9, 11).

Надъ вселенной Браманъ великій, высочайшій, скрытый во всѣхъ существахъ сообразно ихъ тѣлесности, единое Дыханіе всей вселенной, Господь, познавшіе котораго (люди) становятся безсмертными. Я позналъ Его, Непреходящаго, Древняго, Душу всего, Вездѣсущаго по природѣ своей, Кого познавшіе называютъ Нерожденнымъ, Кого они называютъ Вѣчнымъ (Shvetâshvataropanishad, iii, 7, 8, 21).

Когда нѣтъ тьмы, нѣтъ дня или ночи, нѣтъ бытія или небытія, (тамъ есть) лишь Шива единый; То Нерушимое, То Подлежащее обоготворенію Савитри, отъ Него произошла Древняя Мудрость. Ни вверху, ни внизу, ни въ серединѣ невозможно постигнуть Его, и нѣтъ ничего, что могло бы сравниться съ Нимъ, имя Которому—безконечная Слава. И не зрѣніемъ можетъ быть зрима форма Его, ибо никто не въ состояніи очами созерцать Его; знающіе же Его сердцемъ и пребывающимъ въ сердцѣ умомъ становятся безсмертными (тамъ же IV 18—20).

„Мысль, что истинное Я человѣка едино съ Я всей вселенной, что: „Я семь То“ до того проникаетъ индусское сознаніе, что къ человѣку часто примѣняются такія выраженія, какъ „божественный градъ Брамана“ [1]) и „градъ о девяти вратахъ“ [2]) или что „Богъ живетъ въ углубленіи его сердца“ [3]).

„Лишь единымъ способомъ можно узнать (Бытіе), которое не можетъ быть доказано, которое вѣчно, непорочно, выше эфира, нерожденное, великая, вѣчная Душа... Великая нерожденная Душа, та же

---

1) Mundakopanishad II ii 7.

2) Shvetâshvataropanishad iii 14.

3) Тамъ же 11.

самая, что пребываетъ какъ разумная (душа) во всѣхъ живыхъ существахъ, та же самая, которая пребываетъ, какъ эфиръ въ сердцѣ *); въ немъ Она спитъ. Она подчиняетъ себѣ все и управляетъ всѣмъ; Она высочайшій Владыка всего, Она не увеличивается отъ добрыхъ дѣлъ и не уменьшается отъ дурныхъ. Она направляетъ все, верховный Господь всего сущаго, Вседержитель, Мостъ, Опора міровъ, дабы не могли они разрушиться (Brihadaranyakopanishad IV IV 20, 22 пер. D-r E. Roër).

Когда Богъ разсматривается съ точки зрѣнія эволюціи вселенной, Его троичность выражается вполнѣ ясно въ идеѣ Шивы, Вишну и Брамы или въ символѣ Вишну, спящаго подъ водами, съ выростающимъ изъ его нѣдръ Лотусомъ, а въ Лотусѣ Брама. Человѣкъ тоже троиченъ по своей природѣ и въ Mândûkyopanishad высшее *Я* человѣка (Self) описывается какъ заключенное въ физическое тѣло, въ тонкое тѣло и въ ментальное тѣло (тѣло мысли) и затѣмъ поднимающееся изъ ограниченности названныхъ тѣлъ къ Единому „безъ двойственности". Изъ Тримурти (Троицы) приходятъ многіе Боги, завѣдующіе эволюціей вселенной, къ которымъ въ Brihadaranyakopanishad обращены такія слова:

„Поклоняйтесь, о Боги, Ему, по подобію Котораго катятся дни завершающагося года, обожайте Свѣтъ Свѣтовъ, какъ Жизнь Вѣчную" (IV IV 16).

Едва ли и нужно даже упоминать, что Браманизмъ заключаетъ въ себѣ ученіе о перевоплощеніи; вся его философія жизни основана на странствованіи Души черезъ многочисленныя рожденія и смерти, и нѣтъ ни одной священной книги, въ которой эта истина не была бы признанной. Желанія привязываютъ человѣка къ Колесу перемѣны; слѣдовательно, освободить себя онъ можетъ лишь знаніемъ, преданностью Высшему и разрушеніемъ желаній. Душа, познавшая Бога, освобождается, [1]) Разумъ, очищенный познаніями, созерцаетъ Его [2]), Знаніе, соединенное съ благочестіемъ, находитъ обитель Брамана [3]). Кто знаетъ Брамана, тотъ самъ становится Браманомъ [4]). Когда желанія прекращаются, смертные становятся безсмертными и достигаютъ Брамана [5]).

*) Эфиръ въ сердцѣ есть мистическое выраженіе, которое должно выражать Единаго, пребывающаго въ сердцѣ.

[1]) Shvetâsh 1. 8.

[2]) Mundi III 1 8.

[3]) Тамъ же III 11 4.

[4]) Mundakopanishad III 11 9.

[5]) Kathopanishad VI 14.

Буддизмъ, въ своей сѣверной формѣ, совершенно совпадаетъ съ древнѣйшими вѣрованіями Браманизма, но въ южной своей формѣ онъ утерялъ идею Триvпостаснаго Логоса, также и идею Единаго Бытія, изъ котораго исходитъ Троица. Логосъ, въ своемъ троичномъ проявленіи, обозначается въ сѣверномъ Буддизмѣ такъ: Первый Логосъ, Amithâba, Безпредѣльный Свѣтъ; Второй Avalokiteshvara или Padmapâni (Chenresi); Третій Mandjusri представитель творческой Мудрости, соотвѣтствующій Брамѣ *). Китайскій Буддизмъ, повидимому не содержитъ идеи первичнаго Бытія помимо Логоса, но Непальскій Буддизмъ признаетъ Adi-Buddha, изъ котораго исходитъ Amitâbha. Padmapâni по Эйтелю является представителемъ сострадательнаго Провидѣнія и соотвѣтствуетъ частью Шивѣ, но, какъ одинъ изъ аспектовъ Буддистской Троицы, Падмапани являетъ собою скорѣе идею Вишны, съ которымъ она имѣетъ и общій символъ Лотосъ (огонь и вода, или Духъ и Матерія, какъ первичныя составныя части вселенной). Перевоплощеніе и Карма настолько извѣстны, какъ основы Буддизма, что едва ли нужно распространяться о нихъ; слѣдуетъ только отмѣтить путь освобожденія и тотъ фактъ, что Будда, какъ Индусъ, проповѣдывавшій Индусамъ, подразумѣвалъ Браманическія доктрины какъ основу своихъ ученій, не подлежащую сомнѣнію. Онъ былъ реформаторомъ, онъ очищалъ религію, но не боролся противъ нея, онъ нападалъ только на примѣси, внесенныя невѣжествомъ, а не на основныя истины, идущія изъ древней Мудрости.

Тѣ, кто шествуютъ по стезѣ закона, правильно усвоеннаго, достигаютъ другого берега великаго моря рожденій и смертей, которое трудно переплыть (Udânâvarga XXIX, 37).

Желаніе связываетъ человѣка, и необходимо освободиться изъ-подъ его власти.

Тяжело для того, кто скованъ цѣпями желанія, освободиться, говоритъ Благословенный. Стойкій, не предающійся счастью, исходящему изъ желаній, сбрасываетъ съ себя цѣпи и скоро отправляется (въ Нирвану)..... Человѣчество не имѣетъ прочныхъ желаній: желанія не постоянны въ тѣхъ, кто ихъ испытываетъ: освобождайтесь же отъ того, что не можетъ длиться, и не пребывайте въ обители смерти (тамъ же 11, 6, 8).

Тотъ, кто разрушилъ желанія (мірскихъ благъ), грѣховность, узы плотскихъ очей, кто извлекъ желаніе съ самымъ корнемъ, тотъ, провозглашаю, есть истинный Браманъ (тамъ же XXX 111, 68).

*) Yangerit Chinese Dichonary Эйтеля.

А Браманомъ называется человѣкъ, „имѣющій свое послѣднее тѣло“ *), и онъ опредѣляется какъ:

Тотъ, кто знаетъ свои прежнія пребыванія (существованія) и кто позналъ небо и адъ, Муни, нашедшій путь, который положитъ конецъ рожденіямъ (тамъ же XXXIII 55).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Пер. Е. П.

ИНДУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Благороднаго радуетъ благородное, низкаго не радуетъ благородное. Изъ лѣса направляется къ лотосу пчела,—не лягушка, хотя бы и жила она въ томъ же озерѣ.

* * *

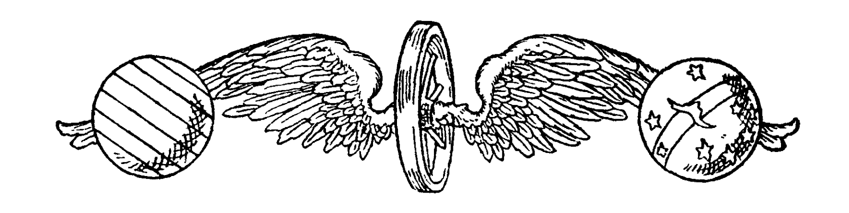
Бурей выдергиваются не нѣжныя гибкія травы, а высокія деревья;—могучій сражается только съ могучимъ.

* * *

Добрый подобенъ кокосовому орѣху; остальные подобны только съ виду красивому.

---

*) Udânavarga XXX 111, 41.

Какъ достигнуть Познанія Сверхчувственныхъ Міровъ.

Доктора Рудольфа Штейнера.

Въ каждомъ человѣкѣ дремлютъ способности, при помощи которыхъ онъ можетъ пріобрѣсти познанія высшихъ міровъ. Мистикъ, гностикъ или теософъ говоритъ о мірахъ души и духа, для него настолько же дѣйствительныхъ, насколько для всѣхъ дѣйствительно видимое физическими глазами, ощущаемое физическими руками. Слушающій его долженъ сказать: то, о чемъ онъ говоритъ, я могу также узнать, если разовью въ себѣ извѣстныя силы, пока еще дремлющія во мнѣ. Вопросъ только въ томъ, съ чего начать, чтобы развить въ себѣ эти силы. Этому могутъ научить только тѣ, кто уже имѣетъ въ себѣ такія силы. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческій родъ, были всегда школы, въ которыхъ овладѣвшіе высшими способностями давали наставленія тѣмъ, которые стремились развить свои скрытыя силы. Такія школы называются *тайными школами* и преподаваніе, которое тамъ ведется, называется преподаваніемъ тайной науки или оккультнымъ преподаваніемъ. Такое названіе, естественно, вызываетъ недоразумѣніе. Кто его слышитъ, легко можетъ подумать, что учащіе въ такихъ школахъ хотятъ представить изъ себя особый передовой человѣческій классъ, произвольно удерживающій свои знанія отъ своихъ ближнихъ. Думаютъ также, что вообще ничего, достойнаго вниманія, не скрывается за такими знаніями. Ибо если бы это было истиннымъ знаніемъ,—незачѣмъ было бы дѣлать изъ него тайны, можно было бы открыто сообщать его, сдѣлать его доступнымъ для всего человѣчества.

Посвященные въ природу тайнаго знанія ничуть не удивятся, что непосвященные думаютъ такимъ образомъ. Только тотъ можетъ понять, въ чемъ состоитъ тайна посвященія, кто самъ до извѣстной степени позналъ посвященіе въ высшія тайны бытія.

Но можно спросить: какимъ же образомъ, среди обычныхъ человѣческихъ интересовъ, непосвященный можетъ заинтересоваться такъ называемымъ тайнымъ знаніемъ? *Какъ* и *почему* долженъ онъ искать нѣчто, о природѣ чего онъ не можетъ составить себѣ никакого представленія? Но въ основаніи такого вопроса лежитъ совершенно ошибочное понятіе о сущности тайнаго знанія. Въ дѣйствительности, тайное знаніе подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и всякое человѣческое знаніе. Тайное знаніе представляетъ собою для средняго человѣка тайну въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ письмо—тайна для ненаучившагося писать. И такъ же, какъ каждый можетъ научиться писать, избравъ для этого правильный путь, такъ же каждый можетъ сдѣлаться тайнымъ ученикомъ и даже учителемъ, если изберетъ для этого соотвѣтствующій путь. Только въ одномъ отношеніи условія являются здѣсь иными, чѣмъ при пріобрѣтеніи внѣшняго знанія. Не всякій, благодаря бѣдности или культурнымъ условіямъ, въ которыхъ рожденъ, можетъ усвоить искусство письма; для достиженія же познаній въ высшихъ мірахъ нѣтъ препятствій для того, кто ихъ серьезно ищетъ.

Многіе думаютъ, что Учителей высшихъ знаній, которые могли бы дать разъясненія, нужно искать въ опредѣленномъ мѣстѣ. Но тутъ являются двѣ стороны. Во-первыхъ, тотъ, кто серьезно стремится къ высшимъ знаніямъ, не пощадитъ трудовъ и не побоится препятствій, чтобы разыскать посвященнаго, который введетъ его въ высшія тайны міра. Съ другой стороны, ему должно быть ясно, что и посвященный найдетъ его во всѣхъ обстоятельствахъ, если его стремленіе къ знанію серьезно и глубоко. Ибо существуетъ строгій законъ между посвященными, по которому ни одинъ человѣкъ не лишается права на знаніе, до котораго онъ внутренно доросъ. Но есть настолько же строгій законъ, гласящій, что никому не будутъ выданы тайныя знанія, къ которымъ онъ еще не подготовленъ. И посвященный тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ строже онъ соблюдаетъ оба эти закона. Орунднъ, обнимающій всѣхъ посвященныхъ, окруженъ стѣной и оба названные закона образуютъ крѣпкія связи, которыми составныя части этой стѣны удерживаются вмѣстѣ. Можно жить въ интимной дружбѣ съ посвященнымъ, но эта стѣна будетъ раздѣлять васъ отъ него до тѣхъ поръ, пока вы сами не сдѣлаетесь посвященнымъ. Вы можете наслаждаться любовью посвященнаго въ полномъ смыслѣ, но свою тайну онъ вамъ довѣритъ не ранѣе, чѣмъ вы достаточно для нея созрѣете. Вы можете ему льстить, можете его пытать:

ничто не въ состояніи побудить его выдать вамъ то, что не должно быть сообщено, пока вы не подниметесь настолько, чтобы понять его надлежащимъ образомъ.

Пути, дѣлающіе человѣка готовымъ къ воспріятію тайны, предписаны съ полной ясностью. Ихъ направленіе начертано вѣчными неугасимыми буквами въ Храмахъ, гдѣ посвященными охраняются высшія тайны. Въ древнія доисторическія времена эти Храмы были видимы такъ же и физическому зрѣнію; теперь же, когда наша жизнь совсѣмъ утеряла духовность, они невидимы внѣшнему глазу. Но они существуютъ *повсюду*, и каждый ищущій можетъ найти ихъ.

Только въ своей собственной душѣ можетъ человѣкъ найти средства, которыя заставятъ посвященнаго раскрыться передъ нимъ. Онъ долженъ развить въ себѣ опредѣленныя свойства до извѣстной высоты и только тогда могутъ быть сообщены ему высокія сокровища духа.

Извѣстное основное настроеніе души должно послужить началомъ. Оккультистъ называетъ это основное настроеніе: „путь благоговѣнія“ (devotion).

Только тотъ, кто имѣетъ это основное настроеніе, можетъ быть „тайнымъ ученикомъ“. Имѣющій опытъ въ этой области знаетъ, какія наклонности замѣтны уже въ дѣтствѣ у того, кто становится впослѣдствіи тайнымъ ученикомъ. Есть дѣти, испытывающія нѣчто вродѣ священнаго трепета въ отношеніяхъ съ почитаемыми людьми. Подобное отношеніе вызываетъ въ глубинѣ ихъ души чувство, уничтожающее всякую критику и всякое противодѣйствіе. Такія дѣти выростаютъ въ юношей и дѣвушекъ, которые радуются, когда могутъ взирать на что либо, достойное глубокаго почитанія. Изъ рядовъ подобныхъ натуръ выходятъ многіе „ученики“ *). Если кто либо стоялъ передъ дверью почитаемаго человѣка, испытывая священный трепетъ и не рѣшаясь войти въ комнату, казавшуюся ему святилищемъ, тотъ владѣетъ чувствомъ, которое можетъ послужить зародышемъ для его позднѣйшаго „ученичества“. Счастливъ тотъ человѣкъ, который несетъ въ себѣ такія наклонности. Но не нужно думать, что онѣ представляютъ собою элементы покорности и рабства. Опытъ доказываетъ, что именно тѣ люди наиболѣе способны независимо держать свою голову, которые научились благоговѣть тамъ, гдѣ благоговѣніе

---

*) Подъ „ученикомъ“ слѣдуетъ понимать каждый разъ человѣка, принятаго въ эзотерическую школу, слѣдовательно внутренно подготовленнаго для того, чтобы вступить въ сознательное общеніе съ высшими мірами. *Прим. редакціи.*

умѣстно. А умѣстно оно всегда, когда проистекаетъ изъ глубины сердца. Если же мы не вызовемъ къ жизни глубоко коренящагося чувства, что есть нѣчто высшее, чѣмъ мы сами, мы не найдемъ въ себѣ силы развиться до высшаго. Посвященный только тѣмъ и пріобрѣлъ силу устремлять свою мысль къ высотамъ познаванія, что провелъ свое сердце черезъ глубины благоговѣнія. Взобраться на духовныя высоты возможно лишь пройдя черезъ врата смиренія. Истиннаго познанія можно достигнуть лишь, когда научишься уважать это знаніе. Человѣкъ, несомнѣнно имѣетъ право взирать на свѣтъ своими собственными глазами, но право это онъ долженъ *пріобрѣсти*. Въ духовной жизни есть такіе же законы, какъ и въ матеріальной. Если натереть стеклянную палку соотвѣтствующимъ веществомъ, она наэлектризуется, т. е. получитъ силу притягивать маленькія тѣла. Каждый, знакомый съ физикой, знаетъ это. Такъ же и всѣ, познакомившіеся съ начальными основаніями оккультизма, знаютъ, что чувство истиннаго благоговѣнія развиваетъ въ душѣ силу, которая быстро ведетъ ее къ дальнѣйшему росту. Кто имѣетъ наклонность къ благоговѣнію, или кому это чувство привито соотвѣтствующимъ воспитаніемъ, тотъ принесетъ съ собою многое, когда въ позднѣйшей жизни найдетъ доступъ къ высшимъ познаніямъ. У того же, кто не имѣетъ такой подготовки, уже на первой ступени Пути возникнутъ трудности, если онъ энергичнымъ самовоспитаніемъ не вызоветъ въ себѣ благоговѣйнаго настроенія. Въ наше время особенно важно, чтобы на это было устремлено полное вниманіе. Наша цивилизація очень склонна къ критикѣ, къ осужденію, къ постановкѣ окончательныхъ приговоровъ и очень мало направлена къ благоговѣнію, къ самоотверженному почитанію. Наши дѣти гораздо легче критикуютъ, чѣмъ благоговѣютъ. А между тѣмъ, каждая критика, каждая осуждающая мысль ослабляетъ силы души, необходимыя для высшихъ познаній настолько же, насколько самоотверженное благоговѣніе ихъ развиваетъ. Мы не хотимъ этимъ сказать что либо противъ нашей цивилизаціи. Именно силѣ критики, остротѣ самосознающаго человѣческаго сужденія, которое „испытываетъ всё, и лучшее оставляетъ", обязаны мы величію нашей культуры. Никогда не достигъ бы человѣкъ той высоты знанія, промышленности, общенія и правовыхъ отношеній нашего времени, если бы онъ всюду не прилагалъ критики и не мѣрилъ масштабомъ своего собственнаго сужденія. Но за то, что мы пріобрѣли такимъ образомъ во внѣшней культурѣ, необходимо было уплатить соотвѣтствующей потерей духовности и высшихъ познаній.

И каждому должно быть ясно, что при полномъ погруженіи во внѣшнюю цивилизацію нашихъ дней, очень трудно достигнуть познанія высшихъ міровъ. При этомъ условіи, лишь очень энергичная работа надъ собой можетъ помочь человѣку. Въ то время, когда отношенія матеріальной жизни были проще, легче было достигнуть духовнаго подъёма. Достойное почитанія, достигшее святости, выдвигалось гораздо болѣе изъ прочихъ жизненныхъ отношеній. Идеалы понижаются въ критическій вѣкъ. Другими чувствами смѣняются чувства почитанія, обожанія и удивленія. Нашъ вѣкъ оттѣсняетъ эти чувства все болѣе назадъ, и современный человѣкъ весьма рѣдко соприкасается съ ними въ обыденной жизни. Но кто ищетъ высшихъ познаній, долженъ вызвать въ себѣ эти чувства, долженъ самъ внушать ихъ своей душѣ. Достигается это не знаніемъ, а жизнью. Повсюду, во всемъ окружающемъ и въ своихъ переживаніяхъ, надо отыскивать то, что можетъ возбудить удивленіе и благоговѣніе. И вездѣ, гдѣ только возможно, надо воздерживаться отъ всякой критики, отъ всякаго осужденія. Если я встрѣчаю человѣка и осуждаю его слабость, этимъ я похищаю у себя самого высшую духовную силу, если же стараюсь любовно углубиться въ его хорошія качества, этимъ я собираю такую силу. „Ученикъ" долженъ всегда слѣдовать этому правилу. Опытные изслѣдователи эзотеризма знаютъ, какую можно пріобрѣсти силу, если во всѣхъ вещахъ видѣть доброе и воздерживаться отъ осужденія. Но это не должно быть внѣшнимъ правиломъ жизни. Надо чтобы оно проникло въ самую глубину нашей души. Человѣкъ можетъ усовершенствовать себя и со временемъ вполнѣ преобразиться. Но онъ долженъ совершить это превращеніе внутри себя, въ мірѣ своихъ мыслей. Недостаточно внѣшнимъ образомъ проявлять уваженіе къ тому или другому существу, нужно это уваженіе сохранять въ своихъ мысляхъ. Необходимо совершенно изгнать изъ своего сознанія мысли недоброжелательной критики и стараться развивать мысли благоговѣнія.

Каждый разъ, когда это удается, въ человѣкѣ пробуждаются силы, которыя иначе оставались бы въ состояніи скрытомъ. Благодаря этому, у человѣка открывается духовное зрѣніе. Онъ начинаетъ видѣть вещи, ранѣе не видимыя для него, и понимать, что видѣлъ до сихъ поръ только часть окружающаго міра. Каждый встрѣчающійся человѣкъ является для него въ совершенно другомъ видѣ. Хотя, достигнувъ этого, онъ еще не будетъ въ состояніи видѣть человѣческую ауру *). Для этого необходимы

*) См. №№ 8, 9, 10, 11 журнала „Lucifer und Gnosis" за 1904 г.

болѣе высокія знанія, но до этихъ высшихъ знаній онъ можетъ подняться лишь тогда, когда предварительно усиленно разовьется въ немъ способность къ благоговѣнію.

Незамѣтно для внѣшняго міра совершается вступленіе „ученика“ на „путь познанія“. Возможно, что никто и не замѣтитъ въ немъ перемѣны. Онъ исполняетъ свои обязанности какъ и ранѣе, заботится о своихъ дѣлахъ какъ и прежде. Превращеніе происходитъ только съ внутренней стороной души, и для внѣшняго взгляда оно не замѣтно. Прежде всего, всю душевную жизнь человѣка просвѣтляетъ основное настроеніе благоговѣйнаго чувства ко всему истинно достойному. Въ этомъ единомъ основномъ чувствѣ вся душевная жизнь человѣка сходится какъ въ центрѣ. Подобно какъ солнце оживляетъ своими лучами все живущее, такъ же оживотворяются всѣ внутреннія переживанія „ученика“ этимъ основнымъ настроеніемъ. Сначала человѣку трудно повѣрить, что такія чувства, какъ чувство почитанія и уваженія, могутъ имѣть нѣчто общее съ его способностью познавать. Это происходитъ оттого, что способность познаванія представляется неимѣющею никакой связи съ тѣмъ, что обыкновенно совершается въ душѣ. Но при этомъ упускаютъ изъ вида, что *душа* и есть то, что познаетъ. И чувства для души то же, что для тѣла вещества, доставляющія ему питаніе. Если тѣлу давать камни вмѣсто хлѣба, то его дѣятельность прекратится. Подобно этому и съ душой. Для нея почитаніе, уваженіе, благоговѣніе—питательныя вещества, дѣлающія ее *здоровой* и сильной, и прежде всего сильной для познаванія. И наоборотъ: презрѣніе, антипатія, небрежность относительно достойнаго явленія парализуютъ и убиваютъ познавательную способность. Для оккультиста этотъ фактъ дѣлается видимымъ въ „*аурѣ*“ человѣка. Душа, усвоившая себѣ чувства почитанія и благоговѣнія, вызываетъ перемѣну въ своей аурѣ. Желто-красные и коричнево-красные тоны исчезаютъ и замѣняются голубовато-красными. А благодаря этому открывается новая способность познаванія, узнается въ окружающей средѣ то, о чемъ ранѣе не имѣлось никакого понятія. Чувства почитанія будятъ въ душѣ симпатическую силу, посредствомъ которой къ намъ привлекаются свойства окружающихъ существъ, до тѣхъ поръ остававшіяся скрытыми (оккультными).

Еще дѣйствительнѣе будутъ послѣдствія благоговѣйныхъ чувствъ, когда къ нимъ присоединяется другой родъ настроенія. Онъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ научается отдаваться все менѣе впечатлѣніямъ внѣшняго міра и вмѣсто нихъ развиваетъ

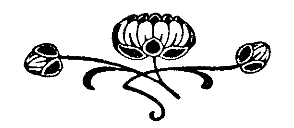
сильную внутреннюю жизнь. Человѣкъ, гоняющійся то за однимъ впечатлѣніемъ, то за другимъ, всегда ищущій „развлеченія", не пригоденъ къ оккультному знанію. Не притуплять свои впечатлѣнія, идущія отъ внѣшняго міра, долженъ ученикъ, но его богатая *внутренняя жизнь* должна направлять эти впечатлѣнія. Человѣкъ, глубоко чувствующій, глубоко душевный, переживаетъ совершенно иное, проходя по прекрасной горной мѣстности, чѣмъ человѣкъ, бѣдный чувствами. Только переживаемое внутри насъ самихъ даетъ намъ ключъ къ красотамъ внѣшняго міра. У одного, плывущаго по морю, лишь немногія переживанія проходятъ черезъ душу, другой же воспринимаетъ при тѣхъ же условіяхъ вѣчный языкъ Мірового духа, передъ нимъ разоблачаются тайныя мірозданія. Нужно научиться обращаться надлежащимъ образомъ со своими собственными чувствами и представленіями, если хочешь развить глубоко содержательное отношеніе къ внѣшнему міру. Міръ исполненъ во всѣхъ своихъ явленіяхъ божественнаго величія, но мы должны сначала пережить божественное въ своей собственной душѣ, если хотимъ найти его въ окружающемъ. „Ученикъ" долженъ находить такіе моменты жизни, когда бы онъ могъ въ безмолвіи и уединеніи погружаться въ себя. Но не тому, что касается его личнаго я, долженъ онъ отдаваться въ такіе моменты. Это вызвало бы противоположныя послѣдствія. Онъ долженъ въ такія минуты внутренней тишины дать отзвучать въ себѣ всему, что̀ онъ пережилъ, что́ ему сказалъ внѣшній міръ. Каждый цвѣтокъ, каждое животное, каждое явленіе разоблачатъ передъ нимъ, въ такія минуты тишины, неожиданныя тайны. Это— подготовка, которая научаетъ его смотрѣть на всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра совершенно другими глазами, чѣмъ прежде. Кто хочетъ лишь воспринимать впечатлѣніе за впечатлѣніемъ, тотъ *притупляетъ* въ себѣ способность познаванія. Кто, воспринимая, стремится къ тому, чтобы воспринятое открыло для него свою суть, тотъ *воспитываетъ* свою познавательную способность. Онъ долженъ привыкать не гоняться за продленіемъ ощущеній, но стараться воспринятое *перерабатывать* внутренней дѣятельностью. И здѣсь кроется очень опасный подводный камень. Вмѣсто того, чтобы работать *въ себѣ*, можно легко впасть въ противоположное, и тогда для „ученика" откроются многочисленные источники ошибокъ. Его душа вѣдь должна проходить черезъ сонмъ соблазновъ. Всѣ они хотятъ одно: захватить его „я", замкнуть его въ себѣ. Ученикъ же долженъ открывать свое я для всего міра. Онъ долженъ искать впечатлѣній, ибо только такъ можетъ онъ

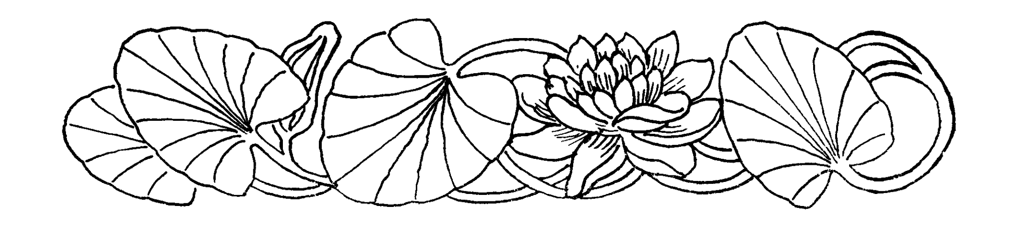
ввести внѣшній міръ въ свою душу. Если же онъ притупитъ свою отзывчивость, онъ будетъ подобенъ растенію, которое не въ состояніи болѣе извлекать питательные матерьялы изъ окружающаго. А если онъ ограничится тѣмъ, что будетъ только воспринимать впечатлѣнія, онъ останется замкнутъ въ себѣ самомъ и будетъ значить нѣчто только *для себя* самого, но не для міра. И какъ бы онъ при этомъ сильно ни жилъ, какъ бы сильно ни развивалъ свое „я", міръ все же выдѣлитъ его изъ себя. Для міра онъ мертвъ. „Ученикъ" смотритъ на всѣ переживанія какъ на средства, чтобы сдѣлать себя болѣе цѣннымъ для міра. Всѣ чувственныя воспріятія для него лишь указанія, повѣствующія ему о мірѣ. Но послѣ полученнаго урока онъ не останавливается на переживаніи воспринятаго, а спѣшитъ *къ работѣ*. Онъ учится не за тѣмъ, чтобы выученное собирать какъ свои сокровища знанія, но чтобы полученное претворить для служенія міру.

Есть основной законъ во всякомъ тайномъ знаніи, который не можетъ быть устраненъ. Каждый учитель оккультныхъ знаній долженъ запечатлѣть его въ сознаніи своего „ученика". Законъ этотъ гласитъ: *Каждое познаніе, которое ты ищешь только для того, чтобы обогатить себя, чтобы собирать сокровища знанія въ себѣ самомъ, отвлекутъ тебя отъ твоего пути; но каждое познаніе, которое ты ищешь, чтобы потрудиться въ пользу облагораживанія человѣчества и въ пользу всеобщаго развитія, подвигаетъ тебя на шагъ впередъ.* Этотъ законъ требуетъ неуклоннаго исполненія. И нельзя стать „ученикомъ", не сдѣлавъ его руководящимъ правиломъ своей жизни. Во многихъ оккультныхъ школахъ оно выражается въ такой краткой формѣ: всякая идея, которая не становится для тебя идеаломъ, убиваетъ въ твоей душѣ ту или другую силу; всякая идея, которая становится для тебя идеаломъ, творитъ въ тебѣ жизненныя силы.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Перев. **В. Лалетина.**

Исторія Года *).

Глава I.

Исторія Распятія, Погребенія и Воскресенія изъ мертвыхъ, на которую одни смотрятъ какъ на красивую легенду, а другіе какъ на однажды совершившееся божественное событіе, есть неотдѣлимая часть жизни міра, которая разыгрывалась во всѣ времена и будетъ разыгрываться до окончанія вѣковъ. И до тѣхъ поръ, пока существуетъ земная форма жизни, снова и снова во всѣхъ подробностяхъ будетъ повторяться эта величайшая изъ всѣхъ драмъ какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка и въ болѣе обширной жизни міра, такъ и въ исторіи каждаго года. Осень, зима, весна, повторяются съ неизмѣнной точностью; рожденіе, смерть и воскресеніе отмѣчаютъ послѣдовательные періоды каждой индивидуальной жизни. Относительно безличной Природы то же самое чудо совершается дѣйствіемъ божественнаго Духа, который спускаясь, проникаетъ въ матерію и снова возвращается къ божественному Источнику.

Желаніе, бракъ, рожденіе, вотъ что ведетъ насъ сюда. Любовь, смерть, воскресеніе, вотъ что́ уводитъ насъ отсюда. Для первыхъ трехъ символомъ служатъ алыя розы, вторые три, безконечно болѣе прекрасныя и несравненно нѣжнѣе благоухающія,

*) Эта маленькая книга, раздѣленная на восемь главъ, воспроизводитъ духовныя переживанія „ученика“ (челы) въ высшихъ мірахъ; они записаны Мабель Коллинсъ, записавшей также изрѣченія „Свѣтъ на Пути“ (имѣются въ русскомъ переводѣ, въ изданіи Посредника). Въ „Исторіи Года“ развертывается глубокая драма этихъ переживаній. Отличительная черта ученика: самоотреченье во имя служенія міру. Пока ученикъ еще продолжаетъ жить обособленной личной жизнью, онъ не можетъ участвовать въ высшей жизни Духа, которая сверхлична и вся направлена на облегченіе трудной человѣческой эволюціи. Когда ученикъ побѣдилъ свою личность, очистилъ свое сердце и поднялся до сверхсознанія, тогда Учитель принимаетъ его какъ новую благую силу для помощи страдающему человѣчеству и для поднятія его на высшую ступень.

Прим. перев.

символизируются бѣлыми розами. Картинно изображающая ихъ легенда, которая и составляетъ центральное повѣствованіе всѣхъ великихъ міровыхъ религій, до того жизненна, что ее можно прослѣдить въ ежегодной драмѣ, неустанно разыгрывающейся передъ нашими глазами. Астральная жизнь природы, совпадающая во всемъ существенномъ съ астральной жизнью человѣка, повторяется съ совершенной точностью и неизмѣнной правильностью. Какъ съ каждымъ появленіемъ весны распускаются новые зеленые листочки, такъ и внутреннее значеніе этихъ зеленыхъ листочковъ должно обнаруживаться со всею драматическою полнотой. Ясновидцамъ удалось заглянуть въ тайну этой старой, какъ міръ, и все же вѣчно юной исторіи и передать ее міру какъ единое откровеніе, но ни ограничивать ее, ни предъявлять на нея свое исключительное право, не должна ни одна религія и ни одна личность; она—принадлежность всей матеріальной жизни въ цѣломъ, если принимать подъ матеріальной жизнью всю Природу, включая и человѣка, поскольку онъ—физическое существо.

Декабрь есть мѣсяцъ рожденія года, когда душа человѣка и душа міра и вся Природа проходитъ черезъ родовыя муки. Февраль и Мартъ—мѣсяцы смерти. Апрѣль—мѣсяцъ воскресенія изъ мертвыхъ. Май — мѣсяцъ превращенія изъ одного состоянія въ другое.

Кто желаетъ преобразить жизнь года въ божественную, тотъ долженъ присутствовать при церемоніяхъ этихъ священныхъ мѣсяцевъ. Рождество, Страстная пятница и Свѣтлое Воскресеніе являютъ собой три момента въ году, когда происходятъ три главныя церемоніи. Остальные—только подготовленіе къ нимъ. Но душа „ученика“ должна присутствовать на нихъ и понимать ихъ смыслъ, иначе, когда настанутъ великіе дни, душа не будетъ знать.

Въ декабрѣ происходитъ семь церемоній. Первая—„Желаніе Рожденія“; черезъ пять дней настаетъ „Переживаніе Ужаса“; черезъ три дня „Церемонія Посвященія“; черезъ пять дней „Праздникъ Любви“; еще черезъ пять дней „Праздникъ Единенія“. Черезъ семь дней послѣ того наступаетъ „Праздникъ Удовлетворенія“; пять дней позднѣе — великій „День Рожденія“, извѣстный христіанамъ какъ Рождество Христово.

Оккультистъ, или Ученикъ Эзотерической школы, желающій сдѣлаться частью жизни Цѣлаго, проникаетъ въ эти священные часы въ самую суть астральной души міра и познаетъ нѣкоторыя изъ тайнъ божественной жизни и ея брачнаго союза съ матерьяльностью.

Одинъ изъ Учениковъ, проникшій въ эти Мистеріи, далъ нѣсколько описаній церемоній и праздниковъ и нѣсколько формулъ, произносимыхъ при этомъ.

Первая церемонія, *Желаніе Рожденія*, такъ далека отъ человѣческой и матеріальной жизни, является въ такой степени частью еще не рожденнаго духа, что описать ее почти невозможно. Она не передаваема на человѣческомъ языкѣ. Происходитъ она въ началѣ декабря и съ нея начинается мистическая исторія года.

Слѣдующая церемонія, происходящая пять дней позднѣе— „Переживаніе Ужаса". Ученикъ, вступающій въ Храмъ Познанія (мѣсто, знакомое ясновидцамъ), находитъ его въ этотъ день темнымъ и пустыннымъ съ широко распахнутыми дверями... Вѣтеръ стремительно проносится черезъ него... Внутри все проникнуто тревогой, ни одной точки покоя, ни единой искры свѣта... Стѣны совсѣмъ черныя и рѣка, свободно протекающая посреди, также черна и съ шумомъ ярости катитъ свои волны вдоль стѣнъ. Вся картина такова, что хочется бѣжать въ ужасѣ, и ни одинъ ученикъ, разъ узрѣвшій ее, никогда не рѣшится взглянуть на нее снова; лишь незнающій въ состояніи стремительно войти и быстрымъ взоромъ окинуть происходящее. Болѣе мудрые знаютъ, *какое* это отчаянье, и—затихаютъ и силой удерживаютъ свою вѣру, несмотря на одолѣвающій ихъ страхъ; ибо если бы Ученикъ оставался даже у своего собственнаго очага съ рукой нѣжно любимаго друга въ своей рукѣ, все же внезапное чувство безпредѣльнаго одиночества ниспадаетъ въ сердце и оно остановится на мигъ, пронзенное ужасомъ и болью.

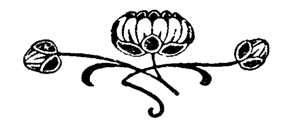
Нужно помнить, что въ первой церемоніи „Желаніе рожденія" вступительный шагъ сдѣланъ, душа перешла въ жизнь новую и еще неизвѣданную. Слѣдующимъ переживаніемъ будетъ неминуемо чувство изумленія и смятенія. Вступающій въ оккультизмъ *долженъ* пройти черезъ это испытаніе. Въ первый разъ оно кажется ужаснымъ, ибо ему не предвидится конца. Перейти черезъ него кажется невозможнымъ. Въ дѣйствительности, страданія, черезъ которыя проходитъ рождающаяся въ новую жизнь душа, тѣ же, черезъ которыя проходитъ рождающееся дитя. Это—воистину страданія новорожденнаго и совершаются они по тѣмъ же законамъ. Когда же великое усиліе совершено, оно немедленно забывается; но повторяется оно съ каждымъ новымъ періодомъ роста, и съ каждымъ новымъ шагомъ по „тѣсному пути" испытаніе становится все болѣе страшнымъ. Первоначальная форма этого испытанія, черезъ которую проходитъ каждый человѣкъ, это—сознаніе

холоднаго равнодушія, съ которымъ міръ относится къ его переживаніямъ. Всѣ проходятъ черезъ этотъ урокъ жизни, сперва съ ропотомъ, а позднѣе подчиняются неизбѣжному и склоняются передъ нимъ съ готовностью, какъ въ Природѣ склоняются передъ напоромъ вѣтра. Но послѣ вступленія на Путь, съ каждымъ новымъ переживаніемъ „Церемоніи Рожденія", Ученикъ проникаетъ все глубже въ нѣдра своей собственной души, пока, наконецъ, не потеряетъ все: себя самого, своего Руководителя, Учителя своего и Бога и не останется одинокимъ.

Желаніе рожденія смѣняется чувствомъ ничтожества; желаніе силы, могущества, совершенства, замѣняется убѣжденіемъ, что *ничего нѣтъ*, что усиліе — тщетно, что могущество—безцѣльно, потому что совершенство невозможно. Это и есть страшное появленіе Охранителя Порога. И все же необходимо пройти смѣло и безъ содроганія черезъ страшное испытаніе потери всякаго довѣрія къ своей собственной душѣ и вѣры въ своего Учителя. Въ этотъ роковой день всѣ, кто поддерживалъ и помогалъ ученику во всѣхъ другихъ испытаніяхъ, удаляются отъ него, исчезаютъ, уходятъ совсѣмъ: ихъ нѣтъ болѣе... Безъ трепета и безъ грусти долженъ ученикъ перенести это.

Переводъ **Е. П.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Теософическое движеніе.

Теософія всегда существовала. Она—древняя мудрость, божественная мудрость вѣковъ, скрытая вь эзотеризмѣ всѣхъ религіозныхъ міровыхъ ученій. Она заключается въ духовной природѣ вселенной и человѣка и въ признаніи закона эволюціи во всѣхъ сферахъ бытія, закона, согласно которому божественныя свойства, заложенныя въ человѣкѣ, постепенно раскрываются и ведутъ его къ совершенству. Признавъ дѣйствіе естественныхъ законовъ въ мірѣ психическомъ и духовномъ, Теософія становится на научную почву; она объединяетъ религію и науку. Признавая однѣ и тѣ же духовныя истины въ основѣ всѣхъ религіозныхъ ученій, она обнимаетъ собою всѣ религии и является какъ бы ихъ синтезомъ.

Но, пребывая въ основѣ всѣхъ религій міра, Теософія раскрывалась подъ разными углами въ разныя эпохи и у различныхъ народовъ, ибо каждая религія есть окрашенный лучъ одного солнца Истины; всѣ лучи должны понять другъ друга и слиться, чтобы засіялъ бѣлый цвѣтъ, изъ котораго всѣ они родились. Когда въ концѣ XIX вѣка матеріализмъ сталъ лозунгомъ почти всего мыслящаго общества и грозилъ затопить собою и кристаллизовать всю европейскую культуру, основанную на эгоизмѣ и обособленіи, явилось Теософическое движеніе, пытавшееся раскрыть глаза человѣчеству на его высшее назначеніе. Въ 1875 г. было основано въ Нью-Іоркѣ Теософическое Общество, начавшее свою дѣятельность въ Америкѣ, затѣмъ въ Индіи, позже въ Европѣ и распространившееся за 32 года своего существованія на всѣ части свѣта. Оно учитъ находить Теософію и въ христіанствѣ и въ браманизмѣ, въ буддизмѣ и въ ученіи Лао-Тсе, въ ученіи Заратустры, въ магометантствѣ, въ еврействѣ. Изученіемъ эзотеризма и символовъ, мірового языка посвященныхъ, оно приводитъ къ признанію лежащей въ основѣ всѣхъ религіозныхъ ученій тожественной духовной истины, и признаніе этого единства, естественно, ведетъ къ признанію братства всего человѣчества, безъ какихъ бы то ни было исключеній или ограниченій.

Піонерами этого движенія были Е. П. Блаватская и полковникъ Генри Стиль Олькоттъ. На долю ихъ, какъ на долю піонеровъ, достались насмѣшки, преслѣдованія и непониманіе, но это не мѣшало имъ двигать впередъ начатое великое дѣло научно-религіознаго синтеза и духовнаго объединенія.

Въ 1891 г. скончалась Блаватская.

Въ началѣ 1907 г. (въ февралѣ) умеръ Генри Олькоттъ *).

Въ іюлѣ подавляющимъ большинствомъ Президентомъ Общества была выбрана Анни Безантъ, извѣстная общественная дѣятельница и писательница, 17 лѣтъ работающая уже на нивѣ теософическаго дѣла.

Другимъ крупнымъ событіемъ завершившагося года былъ Мюнхенскій международный Теософическій конгрессъ, IV по счету**). Первый былъ въ Амстердамѣ (1904 г.), второй—въ Лондонѣ (1905 г.), третій—въ Парижѣ (1906 г.). Будущій конгрессъ состоится черезъ два года въ Будапештѣ. Отчетъ о Мюнхенскомъ конгрессѣ былъ въ свое время данъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 109); богатый же и подробный отчетъ его вышелъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Mittheilungen über den Theosophischen Congress in München“.

Содержаніе этого конгресса было такое глубокое и богатое, что его трудно передать въ краткомъ очеркѣ. Всѣ три предмета ученія Теософическаго Общества (братство, сравнительное изученіе религій, философій, миѳовъ и литературъ, изученіе психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и человѣкѣ) были разнообразно и интересно представлены. Мы вкратцѣ перечислимъ доклады:

1. Единство и іерархія—д-ра Паскаля.
2. Что говоритъ природа тому, кто умѣетъ ее слушать—Бауэра.
3. Астрологія и судьба—Аланъ Лео.
4. Чѣмъ цѣнно Теософическое Об-во—Джемсъ Уэджвудъ.
5. Видѣніе Гадеса—Дж. Мида.
6. Теософія въ исторіи русской мысли—Alba.
7. Посвященіе Розенкрейцеровъ—д-ръ Рудольфъ Штейнеръ.
8. Сверхчувственныя явленія и ихъ мѣсто въ Теософическомъ Обществѣ—Анни Безантъ.

---

*) Піонерамъ теософическаго движенія будетъ посвященъ рядъ біографическихъ очерковъ.

**) Въ 1900 г. уже въ Парижѣ былъ одинъ такой конгрессъ, но правильно они стали организовываться лишь съ 1904 г.

9. Учителя, Сверхчеловѣчество, руководящее человѣчествомъ— Анни Безантъ.

10. Абсолютныя и относительныя истины—Арвидъ Кнӧссъ.

11. Пути къ Теософическому міровоззрѣнію—д-ръ Карлъ Унгеръ.

12. Оккультное значеніе миѳа о Сигфридѣ—Элиза Вольфрамъ.

13. Планетарная и человѣческая эволюція—д-ръ Р. Штейнеръ.

Кромѣ того одно собраніе было посвящено свободному обмѣну мыслей по поводу двухъ вопросовъ:

1. О необходимости изученія оккультизма.

2. О вопросахъ воспитанія.

Предметы отдѣльныхъ рѣчей въ болѣе интимномъ кружкѣ составляли значеніе цифръ, идея безконечности и сверхъ-добро и зло.

Вечера были посвящены музыкѣ, декламаціи и представленію Евлезинской мистеріи, Э. Шпре, поставленной д-ромъ Р. Штейнеромъ и тонко исполненной любителями-теософами.

Конгрессъ начался привѣтствіями представителей разныхъ странъ, произнесшихъ рѣчи каждый на своемъ языкѣ. Такимъ образомъ было произнесено 14 рѣчей на 11 языкахъ.

Заключительное слово было сказано д-ромъ Р. Штейнеромъ, указавшимъ на значеніе такихъ конгрессовъ для распространенія Теософіи и благодарившаго всѣхъ, принявшихъ участіе въ устройствѣ конгресса, въ особенности же Анни Безантъ, спеціально для этого съѣзда пріѣхавшую изъ Индіи.

Вся обстановка конгресса, убранство зала, небольшая картинная галлерея, выборъ музыкальныхъ и литературныхъ номеровъ, все было глубоко продумано и изящно исполнено. Особенно выдавались интересныя картины въ залѣ конгресса: семь печатей Апокалипсиса и серебристыя колонны свѣтло-зеленаго цвѣта, по которымъ былъ набросанъ особый, характерный рисунокъ, мѣнявшійся сообразно мотиву каждой колонны. Весь залъ былъ задрапированъ пурпуровыми тканями. Передъ эстрадой возвышались бюсты Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Интересные доклады чередовались съ музыкальными вечерами и бесѣдами на теософическія темы. Конгрессъ продлился 4 дня. На съѣздѣ было свыше 500 теософовъ.

Послѣ конгресса докторъ Р. Штейнеръ прочелъ серію изъ 14 лекцій: Теософія въ свѣтѣ Розенкрейцерскаго міровоззрѣнія. Затѣмъ онъ проѣхалъ въ Кассель, гдѣ читалъ тотъ же 2-хъ-недѣльный курсъ. По дорогѣ въ Берлинъ онъ заѣхалъ еще въ Ганно-

веръ, гдѣ читалъ о библіи и о древней Мудрости (Bibel und Weisheit). Недавно докторъ Штейнеръ читалъ снова свою серію лекцій въ Лейпцигѣ и въ Вѣнѣ. На дняхъ онъ поѣхалъ въ Швейцарію и читалъ въ Базелѣ. Его неутомимая дѣятельность принесла уже блестящіе результаты. Въ Нѣмецкой Секціи происходитъ глубокая и серьезная работа: городъ за городомъ призываютъ къ себѣ талантливаго лектора и новые и новые теософическіе кружки создаются и примыкаютъ къ движенію. Пять лѣтъ тому назадъ въ Германіи Теософическая идея еще не вошла въ жизнь, хотя давно уже работали отдѣльные кружки, создавшіе обширную литературу и интересъ къ вопросамъ Теософіи. Подъ вліяніемъ вдохновенной работы доктора Штейнера движенію былъ данъ новый толчокъ, и въ нѣсколько лѣтъ выросло выдающееся по глубинѣ и серьезности теченіе *).

Въ настоящее время Германія насчитываетъ около 1000 членовъ и свыше 30 теософическихъ кружковъ. Центръ составляетъ Берлинская Ложа, носящая имя Анни Безантъ (Besant Zweig).

Въ ноябрѣ въ Германской Секціи происходилъ ежегодный съѣздъ нѣмецкихъ теософовъ, и къ этому времени всегда пріурочивается и особая серія лекцій доктора Р. Штейнера.

За истекшій годъ надо еще отмѣтить день, имѣющій большое значеніе для всего Теософическаго движенія: это 1 октября, день рожденія Анни Безантъ. 1 октября 1907 г. ей минуло 60 лѣтъ. Въ этотъ день она въ Нью-Іоркѣ садилась на пароходъ, отъѣзжающій въ Европу, и уже на пароходѣ получила телеграмму, извѣщавшую ее, что на ея имя въ Лондонѣ получено безчисленное количество привѣтствій и поздравленій со всего міра, и что теософы собрали сумму свыше 1.000 ф. ст., которую вручаютъ ей въ полное ея распоряженіе. Благодаря въ Vahan'ѣ всѣхъ, кто участвовалъ въ этомъ празднованіи, Анни Безантъ говоритъ: „Конечно, *мнѣ* лично деньги не нужны, но я счастлива, что могу ихъ употребить на дѣло, которому они будутъ полезны... Любовь, которая диктовала эти приношенія, мнѣ дороже всего и больше всего мнѣ поможетъ"... Отъ полученной суммы у Анни Безантъ осталось всего 100 ф. ст.—все остальное она немедленно роздала на дѣло Теософіи.

Празднованіе этого дня послѣ 17-ти-лѣтней неутомимой работы на нивѣ Теософіи имѣло особое значеніе для Общества послѣ бурнаго пережитаго года. Дѣло въ томъ, что позитивизмъ

*) Движенію въ Германіи будетъ посвящена особая статья.

проникъ и въ Теософическое Общество. Г. Синетъ, авторъ „Эзотерическаго буддизма“, „Оккультнаго міра“ и „Роста души“, редакторъ философско-общественнаго журнала „Широкіе взгляды“ (Broad views), является представителемъ этого теченія. Чисто интеллектуально интересуясь задачами Теософіи, онъ и группа его послѣдователей желали бы свести Теософію на степень обыкновеннаго философско-научнаго общества, занимающагося духовными вопросами, какъ интересными теоріями и гипотезами. Къ этой группѣ отчасти примыкаетъ также Дж. Мидъ, извѣстный ученый изслѣдователь по вопросамъ о гнозисѣ. Синетъ и Мидъ нѣсколько лѣтъ уже стоятъ въ оппозиціи съ глубоко духовнымъ теченіемъ, лучшей выразительницей котораго является Анни Безантъ. Они не разъ высказывались въ этомъ смыслѣ и въ нынѣшнемъ году пытались произвести противъ нея агитацію, окончившуюся полной неудачей, такъ какъ за Анни Безантъ подали голосъ больше 90% членовъ. Это ясно показало отношеніе Общества къ вопросу: долженъ ли во главѣ его стоять обыкновенный ученый, безстрастный изслѣдователь, или такая личность, какъ Анни Безантъ, говорящая какъ пророкъ и учитель жизни, обрѣвшая духовное вѣдѣніе не обыденнымъ разсудочно-индуктивнымъ методомъ, а путемъ глубокой интуиціи.

Первое октября праздновалось особенно торжественно въ Германской Секціи, гдѣ д-ръ Р. Штейнеръ сказалъ по этому случаю двѣ рѣчи—одну въ Ганноверѣ, другую въ Берлинѣ при открытіи зимней сессіи. Онъ напомнилъ, какую работу до сихъ поръ несла Анни Безантъ, и какой неземной чистотой и самоотверженіемъ полна вся ея жизнь. Вспоминая недавнія волненія и оппозицію ея избранію, д-ръ Штейнеръ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что во время лѣтняго Британскаго съѣзда на всѣ нападки и выходки людей враждебно-настроенныхъ друзья ея молчали. „Это покажется страннымъ—говоритъ онъ—тѣмъ, кто не знаетъ, что Анни Безантъ просила своихъ друзей не защищать ее. Она поступила какъ истинная оккультистка, знающая законы духовнаго міра; она знала, что лучше выйти дурнымъ и темнымъ силамъ и найти себѣ выраженіе въ словахъ и поступкахъ, чѣмъ продолжать жить въ мірѣ невидимомъ...“ Въ заключеніе д-ръ Штейнеръ говоритъ, что многія современныя общества ставятъ своимъ идеаломъ братство. Въ чемъ же особенность Теософическаго Общества въ этомъ отношеніи? Дѣло въ томъ, что оно пытается начать его осуществленіе обосновывая свой идеалъ такъ, какъ не могутъ это сдѣлать другія общества; ибо братство изъ мечты превращается въ категориче-

скій императивъ, когда человѣкъ узнаетъ законы духовной жизни, изъ которыхъ вытекаетъ единство всего существующаго... Цѣль Общества Теософическаго, какъ и цѣль человѣчества, понимать не отвлеченные идеалы, а факты духовной жизни, и посредствомъ ихъ яснѣе видѣть все значеніе человѣческой эволюціи. Такимъ образомъ будетъ осуществленъ не только благородный идеалъ, но и благородное человѣчество... Но въ нашъ вѣкъ невѣрія нужно большое мужество, чтобы открыто поднять духовное знамя въ борьбѣ за идеалы вѣчные. Анни Безантъ взяла тяжкую ношу на свои плечи, согласившись на президентство. Помня всю сложность этой задачи и всю ея тяжесть, д-ръ Штейнеръ призываетъ теософовъ помогать ей своей мыслью и своей жизнью, участвовать въ ея подвигѣ за всѣхъ, а черезъ нее теософическая жизнь разольется во всемъ мірѣ.

Послѣ Мюнхенскаго конгресса Анни Безантъ проѣхала въ Буда-Пештъ и Парижъ, гдѣ читала серію лекцій, а оттуда въ Англію, гдѣ пробыла 2 мѣсяца. За это время она успѣла посѣтить Эдинбургъ, Гласкоу, Гаррогетъ, Брэдфордъ, Манчестеръ, Ливерпуль, Нонтингэмъ, Батъ и въ самомъ Лондонѣ (между поѣздками) прочитать болѣе 12 лекцій.

Послѣ двухнедѣльнаго отдыха, посвященнаго литературному труду, Анни Безантъ проѣхала въ Америку. 7 октября она вернулась въ Лондонъ, гдѣ прочитала 3 лекціи. Затѣмъ она посѣтила Голландію, Норвегію, Швецію, Данію и Италію. Изъ Генуи 4 ноября она выѣхала въ Индію *). Лѣтомъ она намѣрена посѣтить Австралію, а въ 1909 году она снова пріѣдетъ въ Европу и будетъ предсѣдательствовать на международномъ теософическомъ конгрессѣ въ Буда-Пештѣ.

За послѣдніе годы Теософія проникла въ Россію и движеніе стало расти. Явные признаки этого роста—интересъ къ теософической литературѣ и зарожденіе сразу трехъ теософическихъ журналовъ. Отъ души привѣтствуя духовныя стремленія, которыя сказываются въ этихъ начинаніяхъ, „Вѣстникъ Теософіи" тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ указать на то, что теософическимъ не имѣетъ права называть себя какое-нибудь духовное движеніе, опирающееся всецѣло на одну какую нибудь религію, какъ не имѣетъ права часть называть себя цѣлымъ. Такія духовныя теченія могутъ быть очень цѣнными и симпатичными по вдохновляющему ихъ стремленію, это могутъ быть прекрасные христіанскіе, буддійскіе или другіе союзы и общества, но именовать себя

*) Теософической работѣ въ Индіи будетъ посвященъ отдѣльный очеркъ.

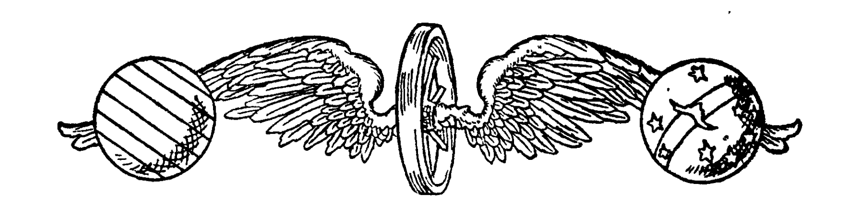
Теософическими они могутъ только по недоразумѣнію *). Характерная особенность Теософіи та, что она не обособляется, не замыкается ни въ какія національныя, религіозныя или кастовыя рамки. Провозглашая единство всего существующаго, разбивая всѣ искусственныя стѣны, воздвигнутыя предразсудками и фанатизмомъ между человѣкомъ и человѣкомъ, Теософія видитъ совершенно равноцѣнную духовную сущность въ негрѣ и въ европейцѣ, въ христіанинѣ и въ магометанинѣ, въ женщинѣ и мужчинѣ, въ человѣкѣ тонко и разносторонне образованномъ и въ простомъ крестьянинѣ. Она всѣхъ призываетъ къ духовному единенію, и для вступленія въ этотъ міровой союзъ не требуется ни принадлежность къ какой-либо Церкви, ни даже вѣры, ибо многіе ищущіе истины стоятъ внѣ какого бы то ни было вѣроисповѣданія, а девизъ Теософическаго Общества: „Нѣтъ религіи выше истины“ (Satyât Nasty Paro Dharmah).

Alba.

---

*) Сюда мы причисляемъ и недавно открывшееся въ Смоленскѣ общество, назвавшее себя „Первымъ Русскимъ Теософическимъ Обществомъ“. Урѣзавъ первый § устава, провозглашающій всемірное братство, и выкидывая изъ него всѣхъ, кромѣ христіанъ, Общество ясно показало, что оно не раздѣляетъ широкаго теософическаго идеала и создаетъ не Теософическое Общество, а христіанскій союзъ.

Изъ литературной теософической жизни.

Въ настоящее время теософическое движеніе насчитываетъ около сорока періодическихъ изданій, изъ нихъ наиболѣе интересныя:

На англійскомъ языкѣ выходятъ: Theosophist, Theosophical review, Theosophy in India, Hindu College, New thought and Theosophy, Lotus Journal для молодежи, Theosophy in Australasia, Theosophic Messenger (Америка) и New Zeland theosophical Magazine.

На французскомъ—La Revue theosophique и Bulletin théosophique.

На нѣмецкомъ—Lucifer-Gnosis.

На итальянскомъ—Theosophia, Ultra.

На испанскомъ— Sophia (Испанія), Revista teosofica (Мексика).

На шведскомъ—Theosofisk Tidskrift.

На голландскомъ—Theosophia.

На болгарскомъ—Путь въ тебѣ, Болгарскі Theosophski Pregled.

На финскомъ—Omatunto (Совѣсть).

Съ нынѣшняго года на горизонтѣ русской жизни явились сразу три изданія: „Теософическая Жизнь“ въ Смоленскѣ, „Теософическое Обозрѣніе“ и „Вѣстникъ Теософіи“ въ Петербургѣ.

Въ статьѣ „Теософическое движеніе“ мы уже отмѣтили, что Смоленское Общество является скорѣй Христіанскимъ Сюзомъ, чѣмъ Теософическимъ Обществомъ. Вообще же, относительно этихъ двухъ журналовъ, только нарождающихся, трудно еще сказать что либо опредѣленное: ихъ физіономія выяснится современемъ. Въ вышедшихъ №№ „Теософическаго Обозрѣнія“ отмѣтимъ прекрасную статью Анни Безантъ: „Братство религій“, интересный очеркъ г. Богушевскаго: „Спиноза, какъ Теософъ“ и статью, посвященную Библейскому духовному братству.

Изъ иностранныхъ изданій особенно интересны по содержанію Theosophist, Lucifer-Gnosis, Theosophical Review и Revue Teosophique.

„Theosophist“ старѣйшій изъ теософическихъ журналовъ, онъ издается въ Индіи. Онъ былъ основанъ въ 1879 г. Е. П. Блаватской и Генри Олькот'омъ. Съ нынѣшняго года, послѣ смерти Г. Олькот'а, издательницей его стала Анни Безантъ, президентъ Теософическаго Общества. За текущій годъ интересны статьи Индуса П. Сринивазъ Іенгар'а о наукѣ эмоцій, Великая пирамида (Египетскій мистицизмъ) Г. ванъ Гингель'а; о древне-персидскомъ символизмѣ, Назарванжи М. Десай; Ученіе о любви въ еврействѣ, № 9. Дэвидъ; Самосовершенствованіе (Self culture), Рама Празадъ; Братство религій, Анни Безантъ ; Розенкрейцеры, В. Майерс'а; Восточная магія и западный спиритизмъ, Г. Олькот'а; Древняя мудрость Ирландіи, Г. Кузинс'а; Значеніе радости, Анни Безантъ.

Статья „Значеніе радости“ особенно выдается по тонкости психологическаго анализа и по глубинѣ настроенія. „Человѣкъ— говоритъ Анни Безантъ—постоянно переходитъ отъ страданія къ радости и отъ радости къ страданію и въ этомъ колебаніи проходитъ вся его жизнь. Человѣкъ никогда не считаетъ несправедливымъ свое счастье, онъ не говоритъ: „По какому праву я счастливъ?“ Но если человѣка постигаетъ горе, то онъ немедленно возмущается и говоритъ: „За что я такъ несчастливъ?“ Въ этомъ крикѣ есть инстинктивное сознаніе истины, ибо человѣкъ созданъ для счастья, а не для страданія, и вся его жизнь есть лишь исканіе этого счастья. Но человѣкъ не понимаетъ, что именно черезъ горе онъ можетъ прійти къ пониманію высшихъ радостей. Двигательная сила желаній есть первый факторъ эволюціи, ибо, достигнувъ желаннаго, человѣкъ пресыщается и начинаетъ снова искать счастья; когда онъ исчерпаетъ всѣ низшія радости, онъ начинаетъ тянуться вверхъ къ высшимъ, къ лучшимъ. И такимъ образомъ, переходя отъ радости къ радости, онъ постепенно растетъ.

Сама природа зоветъ къ счастью, ибо голосъ ея не крикъ и не стонъ, какъ думаютъ пессимисты, а пѣсня. Внимательный наблюдатель и любитель природы знаетъ, сколько радости разлито въ ней. Въ сердцѣ вселенной живетъ радость, но надо умѣть найти ее. Всѣ наши страданія, даже самыя страшныя, какъ смерть и разлука, лишь путь къ радости. Что такое смерть? Это *освобожденіе энергіи для новой жизни*. Каждое страданіе можно разсматривать, какъ маленькую смерть, смерть низшаго во имя высшаго, ибо оно освобождаетъ энергію для построенія новой жизни, лучшей, болѣе чистой, болѣе благородной и болѣе высокой. Черезъ всѣ страданія душа ищетъ себя, т. е. свое высшее, свое

истинное *я*. Найти высшее я и слиться съ нимъ навсегда и есть та высшая радость, имя которой блаженство.

Такова канва этой прелестной статьи, отъ которой вѣетъ глубокой духовностью и свѣтлой вѣрой въ божественныя силы человѣка.

Въ Revue theosophique за послѣдніе мѣсяцы надо отмѣтить серію лекцій о Іогѣ, читанныхъ Mrs Annie Besant лѣтомъ 1907 г., а также статьи др—а Паскаля, являющіяся интересной психологической работой о сознаніи.

Въ Revue theosophique (такъ-называемомъ Lotus bleu) въ видѣ приложенія дается „Тайное Ученіе", Е. П. Блаватской. Такъ какъ эта капитальная работа очень большая, то приложеніе еще протянется, вѣроятно, года два. Такія приложенія являются цѣннымъ вкладомъ въ теософическую библіотеку.

Въ Lucifer - Gnosis'ѣ подъ названіемъ „Stufen der höheren Erkentniss" продолжается серія статей д-ра Р. Штейнера „Wie erlangt man die Erkenntniss der höheren Welten, которыя будутъ печататься въ нашемъ журналѣ. Не менѣе интересны его статьи о воспитаніи. Теософія проливаетъ новый свѣтъ на задачи воспитанія и заставляетъ глубоко задумываться надъ методами современной педагогики. Разсматривая ребенка лишь съ точки зрѣнія физіологическихъ и интеллектуальныхъ функцій его организма, мы проходимъ мимо наиболѣе важныхъ моментовъ его внутренняго творчества и такимъ образомъ выпускаемъ въ жизнь молодой организмъ односторонне развитой, съ неуравновѣшеннымъ умомъ, съ недисциплинированными эмоціями. О задачахъ воспитанія въ свѣтѣ Теософіи мы поговоримъ особо, сегодня мы лишь отмѣчаемъ глубокій интересъ затронутыхъ докторомъ Штейнеромъ вопросовъ и значеніе его указаній для правильной постановки дѣла воспитанія.

Въ Lucifer-Gnosis'ѣ также идутъ интересные этюды Шюре. Закончены „Великіе Посвященные" и „Дѣти Люцифера". Начаты „Святилища Востока".

Маленькій Lotus-Journal посвященъ дѣлу пропаганды теософическихъ идей среди юныхъ читателей. Эти идеи передаются въ рядѣ очень популярныхъ очерковъ и иллюстрируются разсказами, стихотвореніями и маленькими научными набросками изъ сферы ботаники и изъ міра животныхъ. Очень хорошъ отдѣлъ біографическій, въ которомъ дѣти знакомятся съ рядомъ знаменитыхъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей. Въ 1904 году изданъ рядъ очерковъ, посвящен-

ныхъ великимъ художникамъ Леонардо да Винчи, Микель Анджело и Рафаэлю. Есть крошечный отдѣлъ для маленькихъ дѣтей; здѣсь фигурируютъ сказки, скороговорки, загадки, пѣсенки и стишки, все это въ легкой, поэтической и часто шутливой формѣ. Въ журналахъ попадаются хорошенькіе рисунки.

Общедоступный шурналъ „Hindu college" издается въ Бенаресѣ. Онъ знакомитъ съ постановкой новой индусской школы, созданной подъ вліяніемъ Теософіи, и ведетъ пропаганду теософическихъ идей среди индусской молодежи. Здѣсь встрѣчается рядъ очерковъ по вопросамъ воспитанія, по психологіи и статьи религіозно-этическаго характера. Есть также разсказы изъ индусской жизни, легенды, символическія сказки и отдѣлъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Этотъ журналъ издаетъ Анни Безантъ.

Alba.

Замѣтки о современныхъ духовныхъ теченіяхъ.

По поводу возобновленія въ Петербургѣ религіозно-философскихъ собраній.

Послѣ пронесшейся надъ Россiей бури наступило затишье. Первый разрушительный періодъ переживаемаго нами перехода отъ обветшавшаго стараго строя къ новому закончился. Многимъ кажется, что страшная ломка, свидѣтелями которой мы недавно были, не дала какихъ-либо осязательныхъ результатовъ; но такое мнѣніе глубоко ошибочно. На самомъ дѣлѣ все пережитое оставило неизгладимый слѣдъ въ народной душѣ, и если взглядъ поверхностнаго наблюдателя не въ состояніи уловить существенныхъ измѣненій къ лучшему въ общественномъ организмѣ нашей страны, то болѣе зоркому и чуткому наблюдателю ясно, что въ самыхъ глубинахъ народной жизни происходятъ знаменательныя перемѣны, которыя со временемъ совершенно преобразятъ внутреннюю структуру и весь духовный обликъ Россіи. Однимъ изъ показателей интенсивной внутренней работы, совершающейся въ народномъ сознаніи, является пробуждающійся во всѣхъ слояхъ общества интересъ къ совершенно заброшеннымъ одно время духовнымъ и религіознымъ вопросамъ; въ то же время чувствуется какое-то оживленіе въ средѣ передовыхъ элементовъ церкви и среди сектантовъ. На одномъ изъ проявленій этого духовнаго пробужденія—на возобновленіи въ Петербургѣ религіозно-философскихъ собраній—мы остановимся въ настоящемъ очеркѣ.

На предпослѣднемъ собраніи религіозно-философскаго общества былъ прочитанъ докладъ Д. С. Мережковскаго „О Церкви грядущаго". Залъ Географическаго общества, гдѣ теперь происходятъ религіозно-философскія собранія, былъ переполненъ публикой, среди которой было очень много учащейся молодежи, особенно женской. Докладъ былъ прочтенъ проф. Карташевымъ, такъ какъ самъ авторъ въ настоящее время живетъ въ Парижѣ. Въ началѣ доклада авторъ указываетъ на то, что какъ у насъ, такъ и на Западѣ, интеллигенція, въ сущности, утратила вѣру въ Бога и враждебно относится къ религіи. Да это и не мудрено.

Люди живутъ хуже звѣрей—всюду насиліе, рабство, голодъ—а у звѣрей не можетъ быть Бога. Гдѣ благіе плоды религіи? Гдѣ тѣ дѣла, которыя одни могутъ оправдать ее? Ихъ нѣтъ, а потому не удивительно, что Богъ умеръ въ современномъ обществѣ. Но Онъ еще живъ въ личности. Онъ живъ въ ней, какъ инстинктивное, неустранимое стремленіе человѣка преодолѣть смерть, неизбѣжность разрушенія. Этотъ инстинктивный протестъ противъ уничтоженія личности, протестъ, являющійся, такъ сказать, метафизическимъ предѣломъ чувства самосохраненія, по мнѣнію Мережковскаго, и является истиннымъ источникомъ религіи.

Мысль не новая, но лишь *отчасти* вѣрная, а высказанная въ такой абсолютной формѣ, пожалуй, содержащая больше лжи, чѣмъ истины. Жажда безсмертія вовсе не единственный и даже не главный источникъ религіознаго сознанія*). Мережковскій аргументируетъ такъ: разумъ говоритъ мнѣ, что мое личное существованіе и существованіе любимыхъ мною людей кончается со смертью. Воля же и любовь говорятъ мнѣ обратное: я долженъ жить и послѣ смерти, и дорогія и близкія мнѣ существа вѣчно должны жить вмѣстѣ со мною. Этого требуетъ любовь, въ которой смыслъ жизни. Чтобы осмыслить жизнь, надо, слѣдовательно, признать утвержденіе нашей воли и отвергнуть отрицаніе разума**). По поводу этихъ мыслей Мережковскаго нельзя не замѣтить, что въ нихъ—какъ и во всемъ его докладѣ—истинное удивительно переплетается съ ложнымъ. Смыслъ жизни безспорно въ любви, но совсѣмъ не въ той, о которой здѣсь говоритъ Мережковскій, а въ той, которая, ничего не желая для себя, научаетъ человѣка радостно „полагать свою душу за други своя". Слабость этой аргументаціи Мережковскаго была совершенно справедливо отмѣчена однимъ изъ оппонентовъ, г. Столпнеромъ. Далѣе въ докладѣ критикуются попытки найти смыслъ жизни помимо религіи. Указывается, что ни наука, ни искусство, ни такія общественныя ученія, какъ соціализмъ и анархизмъ, не могутъ, помимо религіи,

---

*) „Не мертвое сознаніе внѣшней зависимости и подневольности породило живое религіозное чувство, но предчувствіе единства индивидуума со всѣми, что внѣ его, и черезъ то—призрачности всякаго индивидуума. „Tat tvam asi" („То ты еси") корень религіи, какъ въ культѣ предка, такъ и въ сорадованіи и сострадапіи умирающей и воскресающей природѣ". (Вяч. Ивановъ, Религія Діониса, „Вопросы Жизни", іюль 1905 г).

**) Просимъ читателей имѣть въ виду, что мы воспроизводимъ здѣсь содержаніе доклада Мережковскаго на память, лишь приблизительно, отчасти руководствуясь довольно обстоятельнымъ изложеніемъ его, помѣщеннымъ въ приложеніи къ № 303 „Руси".

дать удовлетворительнаго рѣшенія этой проблемы. Всѣ эти пути, когда ихъ не освѣщаетъ свѣточъ религіозной истины, неизбѣжно приводятъ человѣка, въ концѣ концовъ, къ пессимизму и отчаянію. Эта критическая часть доклада заключаетъ много глубоко вѣрныхъ и прекрасно выраженныхъ мыслей. Но тотъ выходъ, который предлагаетъ затѣмъ Д. С. Мережковскій, поражаетъ своей неудовлетворительностью. Все дѣло, видите-ли, въ томъ, чтобы повѣрить въ *физическое* воскресеніе Іисуса Христа. Абсолютное утвержденіе жизни, помимо котораго жизнь является безсмыслицей, злой шуткой, требуетъ абсолютнаго отрицанія смерти, а таковое возможно только, если хоть одинъ человѣкъ поборолъ смерть, воскреснувъ физически. Таковъ тезисъ Мережковскаго. Но какое мы имѣемъ основаніе и право (нравственное право передъ своею совѣстью) обосновывать весь смыслъ нашей жизни на вѣрѣ въ физическое воскресеніе одного лица, имѣвшее мѣсто, какъ утверждаютъ, почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и не могущее поэтому достовѣрно быть доказаннымъ,—этого Мережковскій не объясняетъ. Вспомнимъ, что удостовѣрить съ полной несомнѣнностью хотя бы гораздо менѣе удивительныя спиритическія и т. п. явленія, происходящія въ настоящее время, большею частью оказывается въ высшей степени труднымъ. А что, если библейская критика доказала бы, что всѣ документы, свидѣтельствующіе о физическомъ воскресеніи Іисуса, подложны? Тогда значитъ жизнь наша уже потеряла бы всякій смыслъ? Нѣтъ, не основанная на желаніи непремѣнно увѣковѣчить свою плоть вѣра въ *физическое* воскресеніе, какъ и не вѣра въ искупленіе *физической* кровью, пролитой Христомъ на Голгоѳѣ, могутъ спасти человѣчество и осмыслить его существованіе, а лишь духовное сораспятіе съ мистическимъ Христомъ и духовное же совоскресеніе съ Нимъ, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ*). И въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, „духъ животворитъ", а „плоть не пользуетъ ни мало". Отчего преодолѣть смерть можетъ лишь физическое воскресеніе? Развѣ не достаточно для такого преодолѣнія сохраненія непрерывности сознанія при переходѣ изъ одной формы существованія въ другую? Почему полная побѣда духа надъ плотью непремѣнно должна выразиться въ воскрешеніи и увѣковѣченіи *даннаго* физическаго тѣла, а не въ способности духа, достигшаго высшаго предѣла эволюціи, *произвольно* воплотиться

---

*) Въ древнихъ мистеріяхъ эта идея символизировалась миѳами о смерти и воскресеніи Озириса, Діониса, Кришны и др.

или матеріализоваться (вѣдь на рожденіе и воплощеніе можно смотрѣть какъ на происходящую въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени матеріализацію духа) въ такомъ физическомъ тѣлѣ, какое она признаетъ наилучшимъ орудіемъ для наисовершеннѣйшаго своего проявленія? На всѣ эти естественные вопросы ни въ докладѣ Мережковскаго, ни въ его другихъ произведеніяхъ нѣтъ отвѣта. Его пониманіе безсмертія и догмата воскресенія поражаетъ своей примитивностью. Мы считаемъ, что слѣдующія слова, влагаемыя въ уста отшельника Ануруды въ одномъ буддійскомъ сказаніи *), гораздо ближе къ истинному пониманію эзотеризма христіанскаго ученія о безсмертіи, чѣмъ взглядъ Мережковскаго: „Есть-ли въ тебѣ что-нибудь безсмертное или нѣтъ... исключительно зависитъ отъ тебя самого. Если ты состоишь изъ мыслей чистыхъ и святыхъ,—и ты чистъ и святъ; если ты состоишь изъ мыслей грѣшныхъ,—и ты грѣшенъ; и если ты состоишь изъ безсмертной истины,—ты безсмертенъ".

Послѣдняя часть доклада Мережковскаго посвящена доказательству необходимости третьяго завѣта, новой церкви Духа, которая должна смѣнить царство Сына, т. е. историческое христіанство, какъ это послѣднее смѣнило царство Отца, открывшееся въ Ветхомъ Завѣтѣ. Необходимъ переходъ отъ религіи Двухъ, никогда не могущихъ быть Едино, къ религіи Трехъ, которые суть Едино. Этотъ третій Завѣтъ раскроетъ правду не только о духѣ, но и о плоти и примиритъ обѣ эти правды въ высшемъ синтезѣ, преодолѣвъ характерную для историческаго христіанства метафизику „безплотнаго духа, безземнаго неба, безмірнаго гроба и безобщественнаго спасенія", какъ картинно выражается авторъ доклада въ одномъ изъ своихъ прежнихъ произведеній. Въ этой части доклада много яркихъ и, какъ всегда, блестяще выраженныхъ мыслей, но много также и произвольныхъ утвержденій и крайностей **). Мережковскій обрушивается на аскетизмъ хри-

*) Мережковскій въ своемъ докладѣ не преминулъ задѣть буддизмъ, назвавъ его „религіей смерти" или „уничтоженія" (не ручаюсь за точность словъ, а лишь за смыслъ ихъ). Если бы онъ познакомился ближе съ литературой буддизма, то онъ, быть можетъ, пришелъ бы къ тому убѣжденію, что ученіе Будды съ гораздо большимъ основаніемъ можно назвать „религіей состраданія и *уваженія къ жизни*".

**) Въ этой статьѣ мы говоримъ лишь о рефератѣ Д. С. Мережковскаго и не касаемся того пониманія христіанства, которое онъ обосновываетъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ, однако, необходимымъ заявить, что въ *прежнихъ* попыткахъ Мережковскаго истолковать внутренній

стіанства, приведшаго къ бѣгству отъ жизни, но въ своемъ увлеченіи „выбрасываетъ изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка“, какъ выражаются нѣмцы; вмѣсто того, чтобы выдѣлить истинную и цѣнную сущность аскетизма изъ шелухи всяческихъ излишествъ и извращеній, онъ огуломъ отрицаетъ за нимъ всякое положительное значеніе, чѣмъ и обнаруживаетъ недостаточно глубокое пониманіе сущности вопроса. Это совершенно правильно отмѣтилъ одинъ изъ оппонентовъ, профессоръ Жаковъ.

Въ заключительныхъ строкахъ доклада Мережковскій еще разъ оттѣняетъ, что христіанство до сихъ поръ не было близко къ общественной жизни, а если и пыталось соприкасаться съ ней, то совершенно извращало правильное соотношеніе между церковью и началомъ государственнымъ, то стремясь къ политической власти, какъ въ католичествѣ, то подчиняясь Кесарю, какъ на Востокѣ. „Церковь никогда не была на землѣ. Идея о церкви, о Христѣ всегда или уходила отъ міра или, входя въ него, теряла свое значеніе. Истинная церковь войдетъ въ міръ, врѣжется въ историческое человѣчество, какъ въ живое тѣло вонзается мечъ. Церковь грядущаго—этотъ мечъ“. Въ этихъ заключительныхъ парадоксальныхъ словахъ доклада много правды. Но позволительно очень и очень сомнѣваться въ томъ, чтобы та Церковь грядущаго, та истинная Вселенская Церковь, которой суждено возродить человѣчество къ новой жизни, соединивъ „правду о духѣ, о небѣ, о спасеніи личномъ съ правдой о плоти, о землѣ, о спасеніи общественномъ“, чтобы эта Церковь грядущаго обосновалась на вѣрѣ въ физическое воскресеніе, которая такъ дорога Мережковскому. Нѣтъ, эта Церковь будетъ зиждиться не на шаткомъ основаніи подобной вѣры, а на единственномъ прочномъ фундаментѣ непосредственнаго и несомнѣннаго усвоенія духовной истины развивающимся въ человѣчествѣ духовнымъ сознаніемъ („сверхсознаніемъ“), и Церковь эта разъ навсегда положитъ конецъ всякимъ матеріалистическимъ толкованіямъ духовныхъ истинъ и выражающихъ ихъ символовъ. Но прежде всего эта истинная *внутренняя* Церковь *всегда* существовала на землѣ, и

смыслъ ученія Христа въ духѣ философіи Ницше мы видимъ извращеніе въ самомъ корнѣ основной идеи христіанства. Мы не можемъ охарактеризовать иначе эту попытку отождествить безумство самообожествленія съ истиннымъ богоуподобленіемъ, это ученіе о совмѣстимости „двухъ безднъ“—земной и небесной, „идеала Содомскаго“ съ „идеаломъ Мадонны“ и оргіазма—съ чистотой мистическаго прозрѣнія истины.

потому „Церковью грядущаго“ ее можно назвать лишь въ томъ смыслѣ, что только въ будущемъ она выполнитъ свою миссію— объединить всѣ разрозненные члены мистическаго „тѣла Христова“, разрушить всѣ искусственно раздѣляющія ихъ перегородки и вдохнуть животворящій духъ эзотеризма въ мертвые догматы и религіозныя формы. Эта дѣйствительно Вселенская Церковь состоитъ изъ всѣхъ лицъ, достигшихъ извѣстной ступени духовнаго развитія, къ какой бы религіи, вѣроисповѣданію или сектѣ они внѣшнимъ образомъ ни принадлежали. Для членовъ этой Вселенской Церкви реальность развивающейся въ человѣкѣ духовной жизни дороже всякой преходящей внѣшней религіозной формы, хотя они и уважаютъ всякую форму, зная ея смыслъ, необходимость и истинную цѣнность. И они никогда, даже мысленно, не отдѣляютъ себя отъ тѣхъ, кто еще не созналъ своей принадлежности къ этой истинной Церкви, къ которой потенціально принадлежитъ все человѣчество,—не отдѣляютъ себя даже отъ самыхъ жалкихъ, падшихъ, озлобленныхъ и заблудшихъ своихъ братьевъ. Члены этой Вселенской Церкви помнятъ, что Сынъ Человѣческій „не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ“, и что Онъ „не принимаетъ славы отъ человѣковъ“. Они не могутъ мечтать о прославленіи и блаженствѣ „избранныхъ“, пока есть хоть одна душа, не освободившаяся изъ ада порока, злобы и невѣжества, хоть одно существо, страдающее отъ голода, нищеты и людской несправедливости. Таково наше представленіе объ истинной Вселенской Церкви. Каково же въ настоящее время представленіе Д. С. Мержковскаго о „Церкви грядущаго“, остается довольно неяснымъ и послѣ его доклада.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ представителей духовенства. Послѣдніе, впрочемъ, не внесли ничего цѣннаго въ эти пренія. Изъ оппонентовъ особенно содержательныя рѣчи произнесли г. Столпнеръ и возражавшій ему, болѣе чѣмъ Мережковскому, г. Мейеръ. Г. Столпнеръ указалъ прежде всего на то, что, вопреки утвержденію Мережковскаго, религію подрываетъ не столько наука, сколько философія. Далѣе, какъ уже было упомянуто, онъ указалъ, какъ шатко обоснованіе религіи на историческомъ фактѣ плотскаго воскресенія Христа. Онъ отмѣтилъ, что воскресеніе Христа во плоти неразрывно связано въ Евангеліи съ безпорочнымъ зачатіемъ, и потому фактъ воскресенія, если бы его и можно было доказать, никоимъ образомъ не можетъ слу-

жить ручательствомъ за то, что воскресеніе плоти можетъ быть достигнуто людьми, родившимися иначе, чѣмъ родился Христосъ. Правда, въ Евангеліи многое можно толковать аллегорически, напр., многія чудеса, безпорочное зачатіе и т. п., но въ такомъ случаѣ, гдѣ ручательство, что и само физическое воскресеніе не есть аллегорія? Далѣе, оппонентъ указалъ совершенно основательно на то, что до сихъ поръ, какъ авторы рефератовъ на тему о христіанствѣ, читавшихся на религіозно-философскихъ собраніяхъ, такъ и большинство лицъ возражавшихъ мало принимали во вниманіе результаты работы современной философской мысли и совершенно не считались съ результатомъ библейской критики, которая, однако, бросаетъ яркій свѣтъ на многіе вопросы, затрагиваемые въ прочитанныхъ докладахъ и во время преній. Г. Столпнеру очень страстно, но не убѣдительно возражали нѣкоторые представители духовенства и другіе оппоненты, видѣвшіе въ немъ, повидимому, врага всякой религіи вообще и христіанства въ частности. Намъ кажется, что, относясь къ нему такимъ образомъ, они впали въ заблужденіе. На пишущаго эти строки г. Столпнеръ произвелъ совершенно иное впечатлѣніе. Въ словахъ его слышались не вражда къ религіи и ко Христу, а лишь страстное стремленіе вывести спорящихъ на единственную правильную дорогу серьезной научной и философской критики, которая одна законна тамъ, гдѣ къ религіознымъ вопросамъ подходятъ со стороны интеллектуальной, а не со стороны духовной интуиціи или непосредственнаго созерцанія духовной истины. Послѣдній, интуитивный методъ, конечно, единственный, который можетъ всецѣло и съ полной достовѣрностью раскрыть человѣку религіозную истину, и добытая такимъ образомъ духовная истина не боится самаго тщательнаго научнаго и философскаго анализа, такъ какъ она сама именно и лежитъ въ основѣ какъ истинной науки, такъ и истинной философіи. Изъ числа лицъ, возражавшихъ г. Столпнеру, впрочемъ, слѣдуетъ выдѣлить г. Мейера, который въ очень содержательной рѣчи защищалъ интуитивный методъ и указалъ на то, что лишь извѣстныя формы раціоналистической философіи враждебны религіи, но то философское направленіе, которое признаетъ интуицію (Платонъ, Лейбницъ, Шеллингъ и др.), наоборотъ, утверждаетъ тѣ самыя истины, которыя лежатъ въ основѣ религіозныхъ ученій. Намъ кажется только, что г. Мейеръ не совсѣмъ правильно понялъ г. Столпнера, приписывая ему вообще отрицательное отношеніе къ религіи, тогда какъ г. Столпнеръ, повидимому, при всѣхъ своихъ возраженіяхъ имѣлъ въ виду лишь *положительную* ре-

лигію, т. е. христіанство въ его современномъ, обыденномъ видѣ, лишенномъ всякаго болѣе глубокаго эзотерическаго освѣщенія.

Слѣдующее засѣданіе религіозно-философскаго общества было посвящено выслушанію доклада В. В. Розанова „О сладчайшемъ Іисусѣ и горькихъ плодахъ міра“. Докладъ этотъ, прочитанный г. Карташевымъ, поражалъ несоотвѣтствіемъ между красотой формы и содержаніемъ. Основная идея доклада, многократно повторяемая и иллюстрируемая на всевозможные лады безчисленными прекрасными образами, такова: „Христосъ—высшая красота и высшая сладость. Но эта красота такова, что отъ сіянія ея немедленно увядаетъ всякая жизнь, всякая радость. Отъ этой высшей сладости прогоркъ весь міръ. Въ христіанствѣ нѣтъ мѣста ни влюбленности, ни смѣху, ни даже улыбкѣ, ни настоящей семьѣ, браку, искусству, театру, словомъ никакимъ радостямъ жизни. Правда, въ концѣ концовъ христіанство все это признаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все отравляетъ—сознаніемъ, что всему этому нельзя отдаваться всей душой, безраздѣльно, а всегда надо чувствовать грѣховность всего, что не есть единственное благо—Сладчайшій Іисусъ. Міръ обращается при такомъ міросозерцаніи въ какое-то пепелище, въ гробъ, и самая жизнь въ умираніе во Христѣ. Христосъ—вождь гробовъ, и христіанство—поклоненіе гробамъ; оно ведетъ не къ преображенію міра, а къ смерти, къ всеобщему уничтоженію“. Эти блестящіе парадоксы настолько односторонни и поверхностны, что мы не считаемъ нужнымъ подробно разбирать ихъ. Правда, въ исторіи христіанства, какъ и другихъ религій, мы встрѣчаемся съ образами мрачныхъ, фанатическихъ аскетовъ, проклинавшихъ жизнь и міръ, который „во злѣ лежитъ“, и видѣвшихъ единственное спасеніе въ жестокомъ истязаніи плоти и въ совершенномъ отдѣленіи себя отъ враждебнаго имъ грѣшнаго міра. Но такіе аскеты далеки отъ духа Евангелія, они уже утратили основную идею христіанства—идею преображенія міра, идею Царства Божія, которое должно съ неба снизойти на землю и здѣсь, на этой самой грѣшной землѣ, побѣдить зло и смерть и проявить всю силу, благость и красоту Божества. Въ рукахъ этихъ аскетовъ уже поблекли евангельскія лиліи, и отъ нихъ дѣйствительно вѣетъ холодомъ смерти. Но развѣ они одни истинные представители христіанства или, хотя-бы христіанскаго аскетизма? Развѣ такіе свѣтлые типы аскетовъ, какъ Іоаннъ Милостивый, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ, Францискъ Ассизскій, Тихонъ Задонскій и сотни подобныхъ имъ лишь по недоразумѣнію считаются свѣточами христіанства? Конечно, если отождествить христіанство съ крайностями

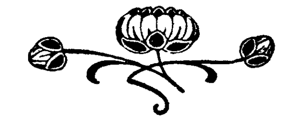
аскетизма нѣкоторыхъ фанатиковъ, если признать истиннымъ истолкованіемъ духа ученія Христова то мрачное міросозерцаніе, которое родилось въ умахъ именно худшихъ представителей аскетизма, людей потерпѣвшихъ пораженіе въ борьбѣ съ міромъ и его соблазнами и потому озлобленныхъ, людей, бѣжавшихъ отъ зла міра вмѣсто того, чтобы преодолѣть его,—то, пожалуй, такое христіанство и можно охарактеризовать, какъ „всеобщее погребеніе міра" *). Но, право же, вопросъ о христіанствѣ слишкомъ серьезный вопросъ, чтобы касаться его такимъ образомъ, гонясь болѣе за эффектными парадоксами, чѣмъ за выясненіемъ истины. Поразительно то, что изъ выступавшихъ въ защиту христіанства представителей духовенства никто не сумѣлъ сказать ничего существеннаго, а кое-что изъ сказаннаго могло лишь усилить то тягостное чувство, которое долженъ былъ испытывать послѣ доклада Розанова всякій слушатель, которому дороги истины, содержащіяся въ ученіи Христа. Изъ оппонентовъ выдѣлились г. Столпнеръ и г. Адріановъ. Послѣдній въ горячо произнесенной рѣчи противопоставилъ духовную сущность всякой религіи, которая всегда коренится въ личныхъ мистическихъ переживаніяхъ, въ личномъ соприкосновеніи души человѣческой съ вѣчнымъ и безконечнымъ, тому мертвому остову, въ который обращается религія, когда она отрывается отъ этого живого корня и становится собраніемъ мертвыхъ, лишенныхъ животворящаго духа догматическихъ положеній. Остаются лишь іероглифы, уже непонятные, но за которые люди все же инстинктивно цѣпляются, чувствуя, что за ними скрывается та истина, которая одна можетъ осмыслить жизнь. Затѣмъ онъ указалъ на то, что аскетизмъ есть проявленія не силы, а слабости религіознаго сознанія; хотя аскетизмъ аскетизму рознь, и въ аскетизмѣ, напр., Франциска Ассизскаго нѣтъ ничего мрачнаго и враждебнаго жизни. Наоборотъ, проповѣдь этого аскета и созданное имъ движеніе были однимъ изъ главныхъ источниковъ того духовнаго подъема, который нашелъ свое выраженіе въ небываломъ

*) Считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что если въ сказанномъ есть жесткія слова по адресу аскетизма, то они относятся лишь къ *ложному* аскетизму. Но къ истинному аскетизму, который не превращаетъ средство въ цѣль, извращая такимъ образомъ истинное соотношеніе вещей, теософія, разумѣется, относится совершенно иначе. Правильно понимаемый аскетизмъ есть ни что иное, какъ собираніе духовной энергіи, необходимое для плодотворной работы надъ окружающимъ міромъ и для преодолѣнія царящаго въ немъ зла. Такой аскетизмъ ни на минуту не позволяетъ человѣку забывать, что „чужое спасеніе должно быть дороже собственнаго. любовь къ ближнему—дороже личнаго небеснаго блаженства". (Слова Св. Іоанна Кассіана).

расцвѣтѣ искусства въ эпоху Возрожденія. Г. Адріановъ очень удачно выбралъ примѣръ Франциска Ассизскаго, жизнь котораго дѣйствительно служитъ живымъ опровѣрженіемъ той удивительно красивой, но непрочной паутины лжи, которую соткалъ въ своемъ докладѣ Розановъ.

Очень интересный докладъ былъ недавно прочитанъ г. Трегубовымъ въ Психологическомъ обществѣ, засѣданія котораго происходятъ въ одной изъ аудиторій при Бехтеревской клиникѣ. Г. Трегубовъ подробно изложилъ исторію духоборческой секты, жестокія гоненія, которымъ она подверглась, современное положеніе эмигрировавшихъ въ Канаду духоборцевъ и исповѣдуемое ими ученіе. Докладъ иллюстрировался туманными картинами, а присутствовавшіе на засѣданіи сектанты (преимущественно Дурмановскаго толка) очень стройно пропѣли нѣсколько псалмовъ, весьма интересныхъ въ смыслѣ заключающагося въ нихъ символизма. Но на этой лекціи мы теперь останавливаться не будемъ, такъ какъ въ ближайшихъ номерахъ нашего журнала будутъ помѣщены статьи, спеціально посвященныя духоборчеству и другимъ, родственнымъ ему сектантскимъ движеніямъ, представляющимъ глубокій интересъ какъ съ точки зрѣнія религіозной, такъ и общественной.

Д. Странденъ.

Письма къ читателю.

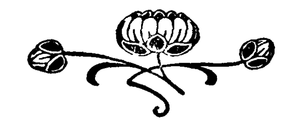
Я очень доволенъ, что Редакція отвела мнѣ это уютное мѣсто въ своемъ журналѣ. Отсюда я буду каждый мѣсяцъ бесѣдовать съ читателемъ. Когда въ моемъ воображеніи рисуются мои будущіе читатели, я вижу передъ собой много глазъ съ хорошимъ, серьезнымъ выраженіемъ, все больше молодые женскіе глаза, такіе въ которыхъ уже зажглось стремленіе къ непреходящему,—которые смотрятъ на звѣзды не мечтательно, а пытливо, силясь прочесть въ ихъ таинственномъ мерцаніи тайну Жизни... Я люблю читателей съ такими глазами и знаю, что нигдѣ не найти ихъ такъ много, какъ у насъ въ Россіи.

Я видѣлъ на своемъ вѣку много милыхъ, умныхъ дѣвушекъ въ Англіи, Германіи, Голландіи, но нигдѣ не встрѣчалъ такой глубокой внутренной тяги къ подвигу, къ отданію себя за другихъ, какъ у насъ. Это миритъ меня со страшнымъ видомъ взбаломученнаго моря русской жизни, выбрасывающаго на поверхность столько уродливаго и нечистаго. Я отвожу отъ него глаза и вызываю въ своемъ воображеніи славныя, молодыя лица, можетъ быть черезъчуръ серьезныя, со слишкомъ горящимъ взглядомъ. Но взлядъ этотъ горитъ не даромъ: въ немъ отражается стремленіе пробужденной души къ Вѣчному, ея тоска не по сегодняшней правдѣ, а по той, которая въ силахъ утолить духовную жажду и сегодня, и завтра, и во вѣкъ. Я вспоминаю одни такіе глаза, глаза Сонечки. Сонечка съ дѣтства пила горькую чашу: семья самая безалаберная, сердитая мачеха, куча дѣтей, которыхъ она выращивала и за которыхъ вѣчно страдала. Потомъ на какомъ-то митингѣ братъ Николай произнесъ неблагонадежную рѣчь... Сонечка приняла ее на себя и попала въ тюрьму. Послѣ тюрьмы долгія скитанія въ поискахъ за работой, вѣчное голоданье, сырые углы. Затѣмъ—замужество съ такимъ же горемыкой, который не выдер-

жалъ борьбы съ жизнью и покончилъ съ собой. А вслѣдъ за тѣмъ появленье ребенка, страстная любовь къ этому хилому ребенку, ни минуты не дававшему ей покоя. Потомъ — смерть ребенка. „Бѣдная Сонечка чуть съ ума не сошла“, разсказывалъ одинъ общій знакомый. Недавно я встрѣтилъ ее: худенькая, изголодавшаяся, лицо измученное, глаза стали огромные. Думаю: бѣдняжка, навѣрно погибнетъ... Но я долженъ—пока мы еще ближе не познакомились съ читателемъ и между нами не установилось то чудное пониманіе, о какомъ я мечтаю—объяснить, *что* я называю „погибнуть“. Я понимаю подъ этимъ не физическую гибель, она совсѣмъ не страшна для теософа: онъ знаетъ, что смерти нѣтъ, умираетъ только тѣло, а самъ человѣкъ остается даже болѣе живымъ, чѣмъ былъ въ тѣлѣ; я говорю о томъ страшномъ состояніи души, когда въ нее злымъ ядомъ проникаетъ отчаянье, разрушающее вѣру въ добро, въ человѣка и въ Бога, и ледянымъ дыханіемъ убивающее душистые цвѣты, которые расцвѣтаютъ въ человѣческомъ сердцѣ. Вотъ такой гибели я боялся для Сонечки и со страхомъ сталъ разспрашивать, какъ она жила, что вынесла изъ своей тяжкой доли. И вотъ ея отвѣтъ: „Понемножку разбираюсь; вы знаете, вѣдь у меня внутри былъ хаосъ, а сейчасъ мнѣ только одно совсѣмъ ясно: все дѣло въ *красотѣ человѣка*; самое важное что въ каждой душѣ есть своя красота, нужно только ее найти, а когда ее находишь, жизнь ужъ не страшна“. Я смотрѣлъ на нее: все такая же худенькая, заморенная, иззябшая, а между тѣмъ всякій страхъ за нее у меня исчезъ, прежняя жалость замѣнилась чѣмъ-то новымъ, словно что-то драгоцѣнное сверкнуло передо мной, перебросилось въ мою душу и тамъ зажглось свѣтлымъ чувствомъ къ Сонечкѣ. „Мудрость есть кристаллизованное страданіе“ пронеслось во мнѣ, и я зналъ, что Сонечка, сильно страдавшая не за себя одну, а за многихъ, сожгла въ этомъ страданіи все мелкое, временное, личное, стала зрячей и начинаетъ понимать глубокій смыслъ жизни. „Все не важно, важна только красота человѣческой души“. Это—мудрыя слова. Что такое мудрость? Прежде всего способность подняться *надъ* своей личностью, стать сверхличнымъ; никогда не раскроется передъ человѣкомъ истинный смыслъ явленій, пока онъ не въ состояніи отвлечься отъ тревоги своихъ собственныхъ переживаній, отъ своей личной боли и отъ своей личной радости. Когда же водворится внутренняя тишина, тогда наступаетъ и раскрытіе сердца, и тогда въ него вливаются всѣ переживанія, всѣ боли и всѣ радости окружающаго міра. Ибо истинный мудрецъ умѣетъ не только безстрастно и глубоко на-

блюдать, но и любить то, что наблюдаетъ. Мудрость есть сліяніе любви и знанія—*знанія*, а не учености, ибо ученость познаетъ поверхность и составъ вещей и мѣсто ихъ въ ряду явленій, а мудрость проникаетъ въ самую суть вещей и познаетъ смыслъ ихъ существованія. Познать же суть вещей нельзя безъ любви. Если подойти съ закрытымъ сердцемъ къ человѣку, безъ интереса къ нему, онъ замкнется отъ насъ, и мы не узнаемъ его. Если же къ нему подойти, совсѣмъ забывъ о себѣ, отдать ему все вниманіе любовно и проникновенно, какъ будто бы въ мірѣ не было ничего, кромѣ него, человѣкъ раскроется передъ нами, и мы увидимъ въ немъ то, что видѣла Сонечка въ людяхъ—частицу красоты, а можетъ быть и большую красоту. Нужно только съ вѣрой подходить къ человѣку, стать оптимистомъ. Обыкновенно думаютъ какъ разъ наоборотъ, что пессимистъ безошибочно разбирается въ жизни, не дастъ себя въ обманъ и не разочаруется потому, что не ждетъ ничего очаровательнаго отъ жизни и отъ людей; въ дѣйствительности же эта увѣренность, построенная на самолюбіи и эгоизмѣ, возводитъ настоящую стѣну между наблюдателемъ и наблюдаемымъ. Истинный мудрецъ не можетъ быть пессимистомъ: онъ знаетъ, что важно и вѣчно одно *положительное*, что отрицательное *временно* и нужно только какъ средство для выявленія положительнаго, для развитія котораго до степени совершенной красоты и создаются міры, возникаютъ солнечныя системы, развертывается жизнь Вселенной.

Другъ читателя.

Отзывы о книгахъ.

Эманація психофизической энергіи.

Д-ръ Н. Г. Котикъ. Москва, 1907 г. Цѣна 60 коп.

Въ журналѣ „Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи" за 1904 г., въ №№ 8 и 9, докторомъ Н. Г. Котикомъ была опубликована работа подъ заглавіемъ „Чтеніе мыслей и N-лучи". Въ работѣ этой авторъ пытался дать факту мысленнаго внушенія научное объясненіе. Послѣднее сводилось къ тому, что передача мыслей совершается посредствомъ N-лучей, которые возникаютъ въ моментъ мышленія въ мозгу одного лица и которымъ принадлежитъ свойство возбуждать мозговые центры другого лица и вызывать въ нихъ соотвѣтственныя представленія.

Въ чемъ же состоитъ тотъ „таинственный агентъ", при помощи котораго докторъ Котикъ объясняетъ возможность мысленнаго внушенія, т. е. передачи мысли на разстояніе безъ посредства внѣшнихъ органовъ чувствъ?

Теорія доктора Котика сводится къ признанію двухъ положеній: а) теоріи излученій и б) теоріи нижняго и верхняго сознанія.

Согласно первой теоріи, мозгъ человѣка принадлежитъ къ разряду радіактивныхъ субстанціи, и потому, какъ и всѣ радіоактивныя вещества,—выдѣляетъ особую энергію, которая состоитъ изъ двухъ частей: изъ обладающихъ большою проницательною способностью *лучей* и изъ *эманаціи*, которая обладаетъ слабою проницательною способностью. Первые лучи имѣютъ, повидимому, много общаго съ α-β-γ-лучами всякой радіоактивной субстанціи (непонятно поэтому, почему авторъ даетъ имъ особое названіе

„мозговыхъ“ лучей), второй же компонентъ „психофизическій элементъ“ и является тѣмъ „таинственнымъ агентомъ“, который до настоящаго времени „создавалъ суевѣрія“ и не давался въ руки изслѣдователей.

Сравнивая этотъ „психофизическій элементъ“ съ физической эманаціей радіактивныхъ веществъ, и находя въ нихъ общія свойства (слабую проникательную способность, медленное распространеніе черезъ воздухъ, переходъ изъ „заряженнаго“ тѣла въ „незаряженное“ и др.), докторъ Котикъ дѣлаетъ выводъ, что „открытый и изслѣдованный имъ (мною) психофизическій элементъ есть ничто иное, какъ эманація психофизической энергіи“.

Другая составная часть теоріи д-ра Котика, которою онъ пользуется для объясненія телепатіи и ясновидѣнія, сводится къ признанію одновременнаго существованія въ мозгу человѣка такъ называемыхъ „верхняго“ и „нижняго“ сознаній.

Въ обычныхъ условіяхъ нашей мозговой работы „нижнее“ сознаніе ничѣмъ себя не проявляетъ (это тѣ процессы, которые не доходятъ до нашего сознанія), и мы часто даже не подозрѣваемъ о его существованіи. Но при нѣкоторыхъ состояніяхъ нашей нервной системы, напримѣръ, при сомнамбулизмѣ, тѣ процессы, которые проходили въ скрытомъ состояніи, выступаютъ наружу, отодвигая часть впечатлѣнія бодрственнаго состоянія за черту сознанія.

Бываютъ, однако, случаи, когда „верхнее“ и „нижнее“ сознаніе („подсознаніе“) дѣйствуютъ одновременно и независимо другъ отъ друга. Къ случаямъ такого рода слѣдуетъ отнести графическій автоматизмъ, или автоматическое писаніе, на которомъ основана, по мнѣнію автора, вся вѣра спиритовъ въ потусторонній міръ. Дѣятельность „нижняго“ сознанія „психографическаго медіума“ спириты приписываютъ своимъ „духамъ“. Въ дѣйствительности же въ случаяхъ полученія разумныхъ отвѣтовъ на заданные или задуманные вопросы происходитъ невольная передача на разстояніи медіуму тѣхъ мыслей, которыя шевелятся въ мозгу (въ верхнемъ или нижнемъ сознанія) у присутствующихъ. Такимъ образомъ „характеръ и содержаніе отвѣтовъ медіума“, пишетъ д-ръ Котикъ, „зависитъ отъ того, что думаютъ и чувствуютъ участники сеанса“ (стр. 21).

Слѣдуетъ отмѣтить, что, при всей своей заманчивости, формула доктора Котика не охватываетъ всѣхъ тѣхъ явленій, которыя наблюдаются на такъ называемыхъ спиритическихъ сеансахъ. Такъ напр., съ точки зрѣнія этой гипотезы не могутъ быть объ-

яснены случаи автоматическаго письма на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, сохраненіе характерныхъ особенностей письма того лица,—часто умершаго, отъ имени котораго ведется бесѣда, сообщеніе новыхъ фактовъ, а равно фактовъ изъ будущей жизни лицъ, совершенно чуждыхъ и даже неизвѣстныхъ сеансирующимъ, и многіе другіе. Не даромъ англійскій психологъ Джемсъ, исходившій изъ теоріи двухъ видовъ сознанія и много лѣтъ изучавшій явленія медіумизма, призналъ эту гипотезу не удовлетворяющею серьезнымъ научнымъ требованіямъ. Теософія также не довольствуется теоріей о двухъ видахъ сознанія и признаетъ три вида сознанія: подсознаніе, бодрствующее сознаніе и сверхсознаніе.

Наибольшій интересъ въ работѣ доктора Котика несомнѣнно представляютъ тѣ опыты, описанію которыхъ посвящена бо́льшая часть его брошюры. Въ нихъ авторъ экспериментальнымъ путемъ доказываетъ возможность мысленнаго внушенія (передачи) не только отдѣльныхъ словъ, но и цѣлыхъ сложныхъ картинъ, причемъ описанія зрительныхъ и мысленныхъ впечатлѣній всегда сильно окрашены эмоціонально и передаютъ событія въ той *хронологической* послѣдовательности, какъ они происходили въ дѣйствительности. Между прочимъ, установлено, что передача мысли происходила быстрѣе, когда оба участвующіе въ опытѣ лица (посылающій мысль и воспринимающій ее) соединены между собой металлическимъ проводникомъ (мѣдной проволокой); проводникъ этотъ какъ бы способствуетъ болѣе быстрой передачѣ психической энергіи отъ одного лица къ другому. Рядомъ съ этимъ выяснилась способность этой энергіи накопляться на поверхности человѣческаго тѣла, подобно тому какъ электричество накопляется на конденсаторахъ и устремляется по проводникамъ.

Наиболѣе интересною частью экспериментовъ доктора Котика слѣдуетъ признать опыты съ чтеніемъ закрытыхъ писемъ, содержаніе которыхъ ни ему, ни его медіуму извѣстно не было. Ошибочно отождествляя эти явленія съ „ясновидѣніемъ", сфера примѣненія котораго гораздо шире, авторъ отмѣтилъ, что во многихъ случахъ медіумомъ были прочтены не тѣ *слова*, которыя были записаны на бумагѣ, а тѣ *мысли*, которыя наиболѣе занимали писавшаго въ моментъ писанія. Изъ этого докторъ Котикъ заключилъ, что мысль фиксируется на бумагѣ помимо тѣхъ графическихъ знаковъ, которые на ней изображены, и что психическая энергія, выдѣляемая мозгомъ, можетъ переходить въ бумагу, сохраняться въ ней, переноситься вмѣстѣ съ ней въ другое мѣсто,

и затѣмъ переходить къ другому лицу, вызывая у него опредѣленныя (тѣ же самыя) представленія. Рядъ поставленныхъ въ этомъ направленіи опытовъ, когда надъ бумагой были только „продуманы“ нѣкоторыя фразы, безъ воспроизведенія ихъ словами, вполнѣ подтвердилъ этотъ выводъ. Продолжительность сохраненія энергіи въ бумагѣ пока еще не установлена, но повидимому она можетъ быть довольно велика. Между прочимъ докторъ Котикъ отмѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысли не могли быть переданы бумагѣ, когда передъ тѣмъ задумавшій, держа листокъ въ рукахъ, интенсивно думалъ о чемъ нибудь другомъ,—и объяснетъ это явленіе недостаточною интенсивностью послѣдующей мысли. Однако явленіе это можетъ быть также объяснено тѣмъ, что каждый предметъ имѣетъ свой предѣлъ насыщаемости, и что бумага, воспринявшая первые токи лучистой энергіи, была уже насыщена ими до высшаго своего предѣла.

Совершенно не подозрѣвая и не отдавая себѣ въ томъ отчета, авторъ подходитъ къ области психометріи, давно уже установленной многими экспериментаторами на Западѣ (Фанегъ и др.). Изъ тезисовъ, приводимыхъ докторомъ Котикомъ на стр. 61—62 его работы, нельзя согласиться только съ однимъ положеніемъ, что психофизическая энергія, выдѣляемая мозгомъ, „проходитъ черезъ воздухъ очень медленно“, такъ какъ въ литературѣ этого вопроса описано много опытовъ *мгновенной* передачи мысли на очень большія разстоянія. Вмѣстѣ съ этимъ падаетъ устанавливаемое докторомъ Котикомъ полное тождество этого „психофизическаго элемента“ съ физической эманаціей радіоактивныхъ субстанцій и для объясненія нѣкоторыхъ явленій телепатіи слѣдуетъ подыскивать другое объясненіе. Въ этомъ отношеніи и грѣшитъ работа доктора Котика, такъ какъ въ ней наблюдается стремленіе его во что бы то ни стало втиснутъ всѣ факты въ рамки уже извѣстныхъ гипотезъ.

Наибольшаго интереса съ точки зрѣнія Теософіи заслуживаютъ общефилософскіе выводы, къ которымъ приходитъ авторъ изслѣдованія: „Психофизическая энергія должна въ хорошо населенныхъ пунктахъ—особенно въ крупныхъ культурныхъ центрахъ—выдѣляться въ такомъ огромномъ количествѣ и разнообразіи, что она, вѣроятно, пропитываетъ собою всякую вещь и насыщаетъ весь воздухъ; вслѣдствіе этого она должна входить въ наше сознаніе повсюду, гдѣ бы мы ни находились, и вызывать въ нижнемъ сознаніи самыя разнообразныя по содержанію представленія; если послѣднія непосредственно и не доходятъ до

верхняго сознанія, то они тѣмъ не менѣе могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ возникновеніи и направленіи у насъ тѣхъ или иныхъ идей. Такимъ образомъ мы находимся въ постоянномъ общеніи съ окружающимъ насъ міромъ: *съ физическимъ* черезъ посредство внѣшнихъ органовъ чувствъ, и *психическимъ* черезъ посредство психофизической эманаціи, которая стремится уничтожить физическія грани между психическими индивидами и нивеллировать самихъ индивидовъ".

Выводъ этотъ очень близко подходитъ къ основному положенію Теософіи *объ Единствѣ* всего живущаго и существующаго на Землѣ. Вѣрно также и то, что, какъ далѣе пишетъ авторъ, „каждое время имѣетъ свои идеи, и что идеи времени носятся обыкновенно въ воздухѣ". Извѣстныя работы Анни Безантъ и C. W. Leadbeater'a „Les formes Pensèes" *) съ несомнѣнностью подтверждаютъ это положеніе и заставляютъ каждаго человѣка серьезно относиться къ своимъ поступкамъ, словамъ *и мыслямъ.* Въ каждый моментъ нашей жизни мы вносимъ въ міровое пространство либо здоровыя, либо вредныя для насъ и для другихъ эманаціи мысли. Отъ насъ зависитъ наполнить міръ гармоніей прекрасной чистыхъ мыслей и оградить себя отъ вреднаго вліянья темныхъ силъ!

Въ настоящее время, согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Аѳинъ, тамъ готовится къ печати книга доктора Pol Arcas „Le secret de la Vie". Авторъ, повидимому, позитивистъ, подобно доктору Котику стремится объяснить вся явленія телепатіи, матеріализаціи и др. чисто научнымъ путемъ на основаніи извѣстныхъ и строго опредѣленныхъ физическихъ законовъ, полагая, что онъ тѣмъ самымъ наноситъ смертельный ударъ спиритуализму.

Теософія отъ души привѣтствуетъ всѣ работы въ этомъ направленіи, такъ какъ онѣ незыблемо устанавливаютъ наличность тѣхъ фактовъ, которыя до настоящаго времени не пользуются еще всеобщимъ признаніемъ. Теософія не боится свѣта истиннаго знанія, такъ какъ она убѣждена, что наука идетъ ей на встрѣчу и что близится часъ, когда она подтвердитъ нѣкоторыя основныя положенія Теософіи. Завѣса за завѣсой поднимается передъ глазами изслѣдователей, но за этими завѣсами стоятъ новыя тайны, новыя загадки Бытія.

К. Кудрявцевъ.

---

*) Этой книгѣ будетъ посвященъ отдѣльный очеркъ.

Индусскія пословицы.

Томящагося отъ зноя не столь радуетъ погруженіе въ студеную воду, не приноситъ столько радости жемчужное ожерелье или помазанье сандаломъ, сколь добрыя слова радуютъ добраго.

* * *

Не слѣдуетъ дружить съ дурнымъ человѣкомъ; уголь, когда горячъ, сжигаетъ; а когда остылъ—чернитъ пальцы.

* * *

Кришна, прекрасноволосый богъ, не отвѣчалъ на злобныя обвиненія царя Чеди. На громъ бури, а не на вой шакаловъ посылаетъ слонъ свой гремящій отвѣтъ.

* * *

Въ сандальномъ деревѣ водятся змѣи, а въ прудахъ, родинѣ лотоса, не живутъ ли аллигаторы? Въ счастьи таится зависть, и безпримѣсныхъ радостей не бываетъ на землѣ.

* * *

Душа есть рѣка: ея священный источникъ — *самообладаніе,* ея вода—*истина*, ея берегъ—*праведность,* волны ея—*состраданіе*; купайся въ ней, о сынъ Панду, ибо не отъ земной воды становится душа чистой.

